

ЧЕЧНЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ

Комитет солдатских
матерей России

Центр миротворчества и
общественного развития

Наблюдательная миссия
правозащитных общественных
организаций в зоне вооруженного
конфликта в Чечне

Общество "Омега"

Буддийский орден
"Ниппонзан Меходзи"

Московская Квakerская группа

Общество "Мемориал"

Российский
независимый
исторический и
правозащитный журнал
(№15, 1997 г.)

Адрес:
390000, Россия,
г. Рязань,
пл. Костюшко, 3
Для писем:
390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912)77-51-17
E-mail: karta@glasnet.ru
<http://www.glasnet.ru/~hrolnine>

Учредитель:
Редакция
независимой газеты
"Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о
регистрации
N 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:
Юлия Середа
Сергей Романов
Олег Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

© "Чечня в моем сердце"
(журнал "Карта")

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над изданием работали:
А. Блинушов, В. Лозинский,
Е. Романова, С. Романов,
Ю. Середа, К. Хантер.

**"ЧЕЧНЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ" — специальное издание
Российского независимого исторического и
правозащитного журнала "Карта"**

В НОМЕРЕ:

От редакции	3
Анна ПЯСЕЦКАЯ, мама погибшего солдата, Комитет солдатских матерей России "Я оплакивала их всех..."	4
Мария КИРБАСОВА, Комитет солдатских матерей России Чечня в моем сердце	20
Вячеслав СЛЕСАРЕНКО, монах буддийского ордена "Ниппонзан-меходзи" "Никогда этого не забыть"	24
Достопочтенный Дзюнсэй ТЭРАСАВА, буддийский монах из Японии, Учитель ордена "Ниппонзан Меходзи" в России и на Украине Чеченская война как кризис современной цивилизации	27
Михаил РОЩИН, Московская Квakerская группа Марш материнского сострадания	32
Андрей БЛИНУШОВ, член Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне "Прощения нам не будет"	35
Виктор ПОПКОВ, руководитель общества "Омега", Полномочный представитель в Чечне Инициативной группы деятелей культуры России по учреждению Комитета общественного патронирования обязательств России и Чеченской Республики Ичкерия Свобода во имя мира	39
Алаудин ЧИЛАЕВ, Центр миротворчества и общественного развития Миротворцы	45
Крис ХАНТЕР, Центр миротворчества и общественного развития Война в Чечне — пути к миру	49
Виктор ЛОЗИНСКИЙ, Рязанское отделение общества "Мемориал" Чеченская акация	60

**Издание осуществлено при поддержке:
Института "Открытое Общество/Москва";
Центра миротворчества и общественного
развития;
Буддийского ордена "Ниппонзан Меходзи".**

В издании использованы фотографии:
Валеря ЩЕКОЛДИНА, Масааки ХАЯСИ,
Натальи МЕДВЕДЕВОЙ, Криса ХАНТЕРА,
Колина ХАНТЕРА, Виктора ЛОЗИНСКОГО,
Эдварда ОППА, монахов ордена
"Ниппонзан Меходзи".

**Внимание! Некоторые фотографии
могут вызвать у вас шок.**

И СЕГОДНЯ В ЧЕЧНЕ
ПОГИБАЮТ ЛЮДИ...

В российских средствах массовой информации прошла «юбилейная тема» – двухлетие с начала чеченской войны. Подводились итоги — около ста тысяч убитых, десятки разрушенных сел, миллионы долларов, сожженные армией в пламени войны, бесчисленное количество психических травм, дети-сироты...

После многократных поездок в горящую Чечню нас поражало какое-то замогильное молчание российских городов: россиянам не платили зарплаты и пенсии, детей лишали дотаций на школьные обеды и швыряли миллионы на войну. А россияне молчали. Их детей, необученных армейскому ремеслу мальчишек, посылали на бойню, а они молчали. Им нагло ввали правительство, президент, телевидение и газеты – их считали полными профанами, которые все равно поверят в любые сказки про боевиков-вампиров – совсем как в 70-е годы. А они, граждане новой России, слушали, верили и молчали.

Молчали, к счастью, не все. Общественные организации и просто частные лица выходили на пикеты, собирали подписи под заявлениями протеста, ехали в зону конфликта, собирали информацию о нарушениях прав человека, выступали посредниками при переговорах, добивались освобождения пленных. Но как мало было этих людей! Как мало этих организаций – по пальцам пересчитать...

Мы расскажем вам о работе некоторых из них. Вернее, расскажут они сами – вы услышите голос людей, рисковавших свободой, здоровьем, а порой и самой жизнью. Рисковавших ради мира, ради сохранения человеческого достоинства других людей.

Им было очень трудно собирать факты, фотографировать, привозить под обстрелами гуманитарную помощь. Им, миротворцам и правозащитникам, солдатским матерям и сотрудникам гуманитарных миссий, квакерам и буддистам, врачам и медсестрам мы посвящаем это издание. Храни их Господь!

Редакция

Анна ПЯСЕЦКАЯ

мама погибшего солдата,
Комитет солдатских матерей России

"Я ОПЛАКИВАЛА ИХ ВСЕХ..."

Мой сын, Пясецкий Николай Николаевич, 1974 года рождения, был призван в Российскую армию 24 мая 1994 г.

А необъявленная война в Чечне началась для меня 4-го декабря 1994 года. В этот день он должен был придти на переговорный пункт в г. Рязани, но не пришел. Напрасно я вызывала его на переговоры и 11 декабря.

Из газет 11 декабря я узнала, что началось вторжение российских войск в Чечню. У меня была надежда, что сын в Чечню не попадет. Он только что закончил обучение в Центре воздушно-десантных войск (ВДВ) в г. Омске и был направлен для прохождения дальнейшей службы в в/ч 41450. Это Рязанский полк Тульской воздушно-десантной дивизии. Я радовалась, что

сын теперь будет служить недалеко от дома и я смогу навещать его.

Перед этим я разговаривала с ним по телефону 28 ноября. Коля сказал, что в части всего три недели, еще не успел освоиться, пообещал разузнать, когда удобнее всего приехать, и попросил меня вызвать его на переговоры 4 декабря.

Этот разговор с сыном был последним... Много позже я узнала, что на следующий день, 29 ноября, мой сын в составе 8-ой роты, 3-го батальона Рязанского полка был посажен в самолет и отправлен в Чечню.

Нас — родителей — никто официально в известность не поставил. Согласия на отправку в Чечню у моего сына никто не спрашивал. Еще 28 ноября он строил планы на встречу с семьей и

Валерий ШЕКОВДИН

ФОТО НАТАЛЬИ МЕДВЕДЕВОЙ

друзьями, а 29 ноября был отправлен на верную смерть...

Официальные должностные лица всячески скрывали от родителей правду. Только 22-го декабря из неофициальных источников нам стало известно, что Коля направлен в командировку в... "южном направлении". Срочно отправляем письменный запрос в часть. Просим сообщить, где наш сын. Из газет узнала, что Комитет солдатских матерей России собирает посылки для ребят, отправленных в Чечню. 25-го декабря я была в КСМ России. Посылку для сына взяли. У меня пока не было официального ответа из в/ч 41450 о том, где мой сын, но сердце чувствовало беду.

Узнала телефон штаба ВДВ и ежедневно, начиная с 26-го декабря, справлялась о своем сыне. Вплоть до 5 января получала регулярный ответ: "Среди убитых и раненых нет".

Появилась надежда, что в новогоднюю бойню он не попал. А 5-го января, по телефону, штаб ВДВ сообщил, что мой сын, Пясецкий Николай Николаевич, погиб в городе Грозный.

Пять дней я как тень ходила по квартире, не могла есть, пить... Я молила Бога за наших мальчиков, погибших в новогоднюю ночь, тысячи погибших. Я оплакивала их всех...

А страна праздновала Новый год и Рождество Христово. Повсюду царил веселье, по телевизору показывали торжественную закладку храма Христа Спасителя. А в Грозном лилась кровь, тела наших детей лежали на заснеженных улицах...

Когда Сергей Ковалев обратился к президенту с просьбой о перемирии, наш президент решил, что перемирие объявлять еще рано и пояснил: "Ситуацией я владею полностью, всю ответственность беру на себя".

Такой ответ поверг меня в шок. Значит, думала я, президент знает, что на улицах Грозного лежат тысячи погибших, что их уже начинают есть кошки, собаки, клевать птицы, и его это нисколько

не волнует!

Только 11 января, после всех праздников, я смогла обратиться в Тульскую дивизию с требованием вернуть мне тело сына. Мне ответили, что мой сын числится пропавшим без вести, так как тело пока не найдено.

Опять звонки в штаб ВДВ. Ответы: "Ждите, все тела собираются в Ростове-на-Дону, тело вашего сына будет переправлено в Москву".

Следующий звонок в в/ч 41450. Прошу сообщить при каких обстоятельствах погиб мой сын. Выясняю, что мой Коля в составе экипажа БМД № 785 (боевая машина десанта) 1 января вошел в Грозный. Машина была подбита. В живых из 12 человек осталось всего трое. Точное место гибели не установлено. Машина пока не найдена.

Удалось связаться с одним из мальчиков, оставшихся в живых, Родионовым Сережей. Он раненый лежал в Новочеркасском госпитале. Сережа сказал, что мой Коля остался убитым в машине, что по его предположению было это в районе железнодорожного вокзала. Российские военные не знали города, карт у них не было.

25 января я уже знала, что машина найдена, но тела моего сына в ней не было. Надежды на то, что тело моего сына будет доставлено в Москву, тоже не было...

На этом закончился первый круг ада. Второй мне пришлось пройти дорогами войны в поисках пропавшего без вести сына.

26-го января я со съемочной группой ВВС вылетела в Минводы, а затем в Назрань. В

первый же день пребывания в Назрани я узнала, что военный билет моего Коли попал к чеченке, которая возила раненых из Грозного в Старые Атаги. Я надеялась, что найдя эту женщину, смогу узнать как к ней попал военный билет и где мой сын.

Был конец января, бои в городе продолжались. Дважды я пробиралась в город. В подвале 2-й горбольницы встретила Марию Ивановну Кирбасову — председателя комитета солдатских матерей России. Через нее узнала, что по спискам пленных мой Коля не проходит.

Самолеты бомбили город ежедневно, стре-

льба из орудий велась непрерывно. Страх не было, мне хотелось побыстрее выяснить судьбу сына. Только 31 января мне удалось разыскать чеченку, ее звали Зарема. Она вернула мне военный билет сына, но назвать точное место и обстоятельства, при которых к ней попал билет, — не смогла. Ниточка оборвалась.

Я снова вернулась в Назрань. В этом ингушском городе, расположенном недалеко от Грозного, войны не было. Он приютил тысячи беженцев. Ингушский народ как мог облегчал страдания этих обездоленных войной людей. Сотни российских матерей также нашли приют в ингуш-

Валерий ШЕКОЛДИН

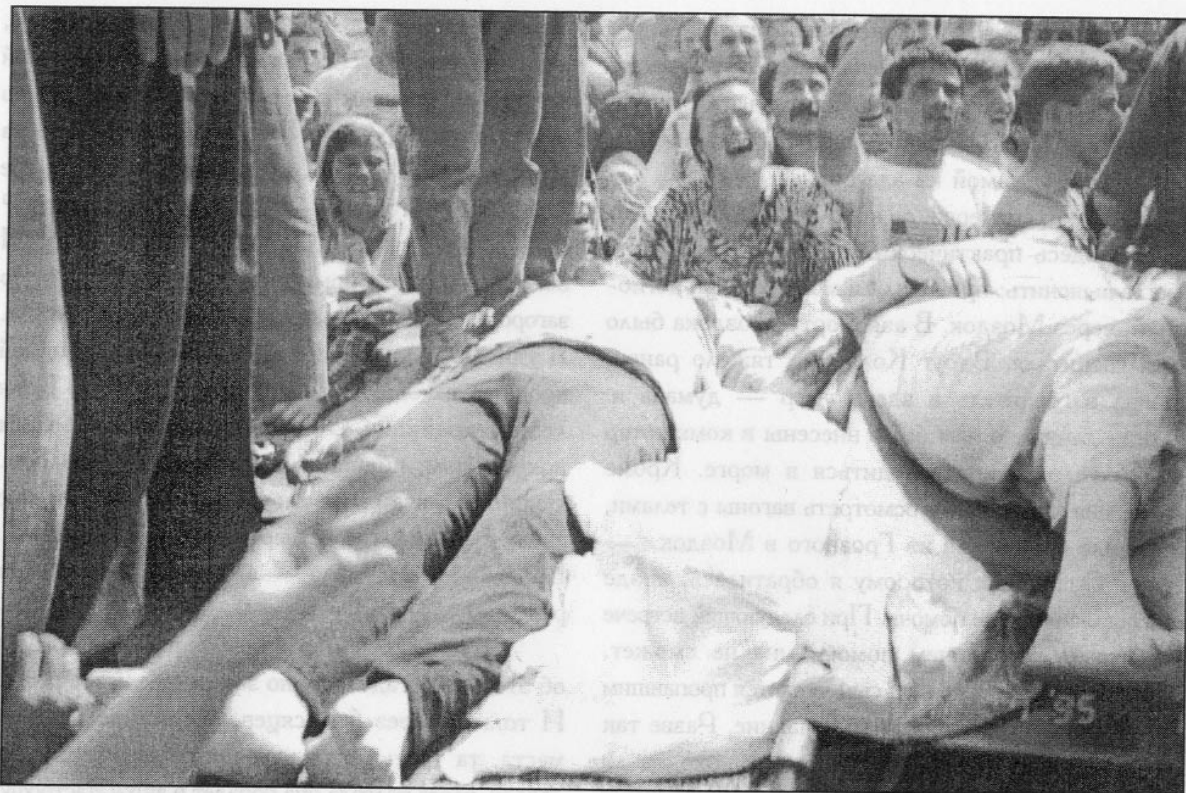

ФОТО "НИПОНЗАН МЕХОДЗИ"

ской столице. Матери ехали со всех концов великой России в поисках своих пропавших без вести или попавших в плен сыновей. Они находили в ингушских семьях приют, понимание и сочувствие. Люди понимали, что российским матерям не нужна война, не нужна ни русскому, ни чеченскому, ни ингушскому народу, что наши дети не по доброй воле пошли воевать.

Обстановка в Ингушетии была очень сложной. Постоянными провокациями ее пытались втянуть в войну, но президент республики Руслан Аушев распорядился выделить матерям помещения, транспорт, продукты питания. Я познакомилась там со многими матерями, а с некоторыми встречалась потом в Чечне, спустя многие месяцы. Из тех сотен женщин, что были в Назрани, найти сыновей живыми удалось немногим...

В Назрани я пробыла недолго. Я решила через штаб ВДВ, находящийся в Беслане, попытаться что-либо выяснить о судьбе моего сына, а затем выехать в Ростов-на-Дону, где собирали тела погибших солдат.

В штабе ВДВ мне сказали, что тело моего сына должно уже находиться в Ростове. И самолетом, в ночь с 1-го на 2-е февраля, я прилетела в Ростов. Ночь я провела в комендантской

роты госпиталя. Просмотрела все книги регистрации погибших солдат. Мой Коля, по первичному опознанию, в этих списках не проходил. Но мне сказали, что опознанных только 40 процентов от общего числа погибших. Мне пришлось осмотреть все вагоны с трупами убитых мальчиков, находящиеся в Ростове. Этот ужас мне не забыть уже никогда...

Вагоны были забиты телами российских солдат. Они все были чьими-то детьми. Многие тела уже невозможно было опознать: обглоданные собаками, разорванные на куски, обгоревшие — прошло более месяца с начала войны. Ростов не в состоянии был справиться с этим потоком смерти. Кроме вагонов был еще палаточный городок на территории госпиталя. Палатки тоже были забиты телами. Собрав все свое мужество, я обошла все эти вагоны и палатки, осматривая каждого мальчика: лица, волосы, а если не было головы — руки, ноги. Мой Коля был приметный, у него была родинка на правой щеке. Вместе со мной были и другие матери. Одна из них опознала своего сына, но совсем под другой фамилией. Мне же Колю найти не удалось. Военные мне сказали, что еще не все вагоны прибыли в Ростов, часть находится в Моздоке.

И вот я в Моздоке. Кинотеатр "Мир". Сотни матерей ежедневно собирались в этом месте. Каждая пыталась разыскать своего сына, отправленного в Чечню, а по возможности — выкрасть его и увезти домой из ада войны.

Таких матерей, у кого дети пропали без вести, здесь практически не было. Мне нужно было выяснить: проходил ли мой сын, как погибший, через Моздок. В аэропорту Моздока было три госпиталя. Вдруг Коля был тяжело ранен, попал в госпиталь и здесь умер — думала я. Тогда данные о нем были внесены в компьютер и его тело может находиться в морге. Кроме того, мне нужно было осмотреть вагоны с телами, которые прибывали из Грозного в Моздок.

Офицер, к которому я обратилась, вроде бы согласился мне помочь. При следующей встрече он сказал, что ничем помочь мне не сможет. "Что вы хотите, ведь ваш сын числится пропавшим без вести!". Меня охватило отчаяние. Разве так трудно проверить по компьютеру, проходит ли мой сын как погибший? Если да — то тело его должно находиться где-то поблизости.

Ночью мне приснился сон. Как будто я

вхожу в здание с колоннами, а здание такое же, как Ростовский госпиталь. Я попадаю в большой вестибюль, стою и размышляю — мне нужно отнести три передачи. Первую — отцу, это на втором этаже, думаю я (мой отец умер четыре года назад), вторую — сыну, а вот кому третью? Ладно, думаю, передам пока отцу и сыну. Я обвожу взглядом помещение и вижу невысокую загородку, за ней кровать, на которой лежат ребята. Я удивляюсь, как они поместились все на одной кровати, их было, наверное, пятеро. Мой Коля лежал крайний. Они были накрыты белым покрывалом, видны только стриженные головы. Большие глаза сына смотрели на меня. Он мне сказал: "Мама, три четверти батальона погибло". Во сне же я подумала — я его ищу, а он совсем рядом.

Я проснулась. Это был вещий сон, сразу я об этом не догадалась, но запомнила его хорошо. И только через 6 месяцев, все встало на свои места, та третья передача предназначалась для дочери, через полгода она попадет в автокатастрофу. Все это будет еще впереди, а пока я искала сына...

В течение недели я ходила по инстанциям,

Валерий ЩЕКОЛДИН

пока не получила нужную мне информацию, а также проверила вагоны с телами. При этом мне сказали: "Женщина, вы же понимаете, что это зрелище не для широкой публики, вы первая, кому официально разрешили осмотреть вагоны".

Тела в вагонах лежали не на носилках, как в Ростове, а на полу. Здесь было всего четыре вагона. Моего Коля здесь не было. И снова отчаяние... Может его похоронили в Грозном местные жители, думала я. Позвонила в Москву. Новостей по-прежнему не было. Коля все так же числился пропавшим без вести.

9 февраля я уехала в Грозный. Из Моздока электричка шла до станции Червленной, далее пешком до Толстого Юрта, где потратила два дня на оформление пропуска. Со мной были еще три российские матери. Одна из Ленинграда. Ее сын был ранен на улице Грозного при штурме, его подобрала чеченские ребята и спрятали у себя дома от российских ОМОНцев. Мать не имела точного адреса, ей предстояло его разыскивать. Еще две женщины были из Челябинской области, их сыновья числились пропавшими без вести. Оба служили в 81-м самарском полку.

Вот так, вчетвером, в начале февраля мы оказались в Грозном. Город производил впечатление вымершего. Руины, ни людей, ни машин, нет электричества, отопления. С наступлением темноты начинались перестрелки, с рассветом они прекращались, и можно было выходить на улицу.

По крупницам сведений, которые я собрала за все время, решила разыскать место, где была подбита машина моего сына, а также расспросить местных жителей и выяснить, не был ли мой сын захоронен кем-нибудь. Кроме того, мне нужно было отыскать роту, в которой он служил и выяснить все обстоятельства его гибели.

Три недели я жила в городе. Ежедневно из своего микрорайона уходила к центру, к железнодорожному вокзалу, обошла все прилегающие к президентскому дворцу улицы. Кое-где встречались неубранные трупы. Все тела свозились на христианское кладбище у консервного завода. Люди, потерявшие своих близких, ходили туда на опознание.

С помощью местных жителей мне удалось установить, что машина моего сына была подбита на улице Маяковского, между памятником "Дру-

ФОТО ЭДВАРДА ОПЛА (<http://www.glasnet.ru/~edopp>)

жбы народов" и Домом печати. По словам очевидцев, в этом месте лежало около 600 трупов российских солдат.

Стреляные гильзы, патроны, гусеницы, башни подбитых танков, обрывки камуфляжа, солдатские шапки, убитые собаки, покалеченные деревья, руины вместо домов, все говорило о страшной трагедии той январской ночи...

Несколько дней я ходила вокруг этого места с фотографией сына, спрашивала у местных жителей, которые не смогли выбраться из города и пережили весь этот ужас, сидя в подвалах, не хоронили ли они моего сына. Мне отвечали, что такой возможности не было. Весь январь нельзя было выйти на улицу из-за сильнейших обстрелов. Люди жили без воды, в голоде, в холоде. Многие погибали во дворах собственных домов, пытаясь раздобыть воды. Никакой возможности хоронить до конца января не было.

Обстановка в городе все еще оставалась опасной, часто стреляли и днем, особенно на окраинах. И все же мне удалось отыскать остатки роты, в которой служил мой Коля. Командир роты ко мне не вышел, зато прибежали ребята.

От них я узнала, что из 50 человек в строю осталось только пять. Остальные, кто погиб, кто ранен. Я взяла у них адреса, чтобы написать родителям. Один из них сбегал за хлебом и консервами, все это они отдали мне, не слушая никаких возражений. Колю моего они знали, но были в разных экипажах. Этим мальчикам и сейчас приходилось туго, ночами были постоянные перестрелки...

День близился к концу, нужно было возвращаться. Меня обещали подбросить на БМД до "Минутки", далее мне предстояло идти пешком до микрорайона, где я ночевала у чеченки Любы. На посту меня предупредили: как только стемнеет, местность будет простреливаться. Я бежала по пустынной улице Сайханова, далее до трамвайного парка и института Промавтоматики, а там уж недалеко и до моего микрорайона. Эта часть города сильно пострадала. Уже смеркалось, когда я добралась до того места, где погибла американская фотожурналистка Синти Эльбаум. Она отдала свою жизнь, чтобы мир узнал правду об этой войне. Уже в темноте я добралась до квартиры. Эта ночь была особенно тревожной.

Что дальше? — думала я. Нужно было возвращаться в Москву. Но прежде я решила еще раз осмотреть вагоны в Ростове-на-Дону. И вот 3 марта я опять появляюсь в госпитале. Ребята в комендантской роте удивились, что я до сих пор не нашла сына. Тут же я встретила представителей из в/ч 41450. Капитан Сергей Белов сказал, что они уже дважды обошли вагоны, но Пясецкого Н.Н. не нашли. Я сказала, что все-таки буду искать сама. Капитан вместе со мной прошел эти вагоны в третий раз. Колю мы не нашли.

В это время в Ростове уже был компьютер, куда были занесены все данные о неопознанных телах и их приметах. Я, на всякий случай, пошла в компьютерный центр, дала ориентировку — родинка на правой щеке и татуировка в виде овала на правом предплечье. Проверив эти данные, офицер, сидевший за компьютером, ответил, что с такими признаками никого нет.

Мне не оставалось ничего другого как вернуться в Москву. Так закончился второй круг ада. А через полгода сбудется мой вещий сон, что я была с сыном совсем рядом, искала его, но не нашла.

Валерий ШЕКОВИЧ

АННА ПЯСЕЦКАЯ (ВТОРАЯ СПРАВА) НА ПОХОРОНАХ СВОЕГО СЫНА КОЛИ. ФОТО ХАЯСИ МАСААКИ

Вместе с представителями из части я поехала в Рязань, чтобы встретиться с командиром полка. Ничего нового о судьбе сына я не выяснила. Командир полка предложил мне выдать справку о смерти сына, пояснив, что от него ничего не осталось, ведь сдетонировал боекомплект. По справке я смогу получить полагающуюся мне страховку в связи с гибелью сына, и таким образом возместить деньги, потраченные на поиски. От справки я отказалась и сказала, что я буду искать до тех пор, пока не найду его живого или мертвого. Ведь если уцелел его военный билет, не мог мой сын исчезнуть бесследно.

В Москве я пробыла две недели, подала заявление в Главную военную прокуратуру о розыске моего сына. Такое же заявление направила в Северо-Кавказскую военную прокуратуру. Дала все антропометрические данные и фотографию сына. Сходила в Комитет солдатских матерей России, где узнала, что Мария Кирбасова организовала Марш Мира, который стартовал с Красной площади 8 марта и сейчас приближается к Назрани. Я решила принять участие в Марше.

Вместе с группой женщин 20 марта я выехала в Нальчик. Конечная цель Марша Мира — Грозный, но путь к нему лежал через зону

боевых действий, через российские и чеченские позиции. В поезде я познакомилась с другими матерями, у всех была одна боль, одна беда — война, она заслонила все остальные невзгоды.

Сможем ли мы остановить войну или хотя бы приблизить ее конец? Что нас ждет впереди? Автобус катил по горной дороге все ближе и ближе к войне, навстречу третьему кругу ада.

25 марта из Назрани, от памятника Неизвестному солдату, продолжил свое шествие Марш Мира. Приехали матери из разных уголков России. Огромная колонна двинулась в сторону Слепцовской. Иногда начинал моросить дождь, но это не портило ощущения слаженности и торжественности. Мы не чувствовали усталости, казалось, мы можем преодолеть любые препятствия.

Из Слепцовской мы отправились в Серноводск — это пограничный ингушский город, далее начиналась Чечня. В Серноводске мы остались на ночь, с тем расчетом, чтобы утром отправиться в Самашки. Еще в январе мне несколько раз приходилось бывать в этом селе. Я проезжала его и 31 января, когда на подступах к нему был первый бой. Был конец марта, но до сих пор это село не пропустило российские войска дальше.

После Марша Мира, когда судьба забросит

меня в далекое горное чеченское село, мир потрясет весть о трагедии в Самашках. По просьбе старейшин боевики оставят село, а российские войска расправятся с беззащитными жителями. Более трехсот убитых, множество разрушенных домов, часть жителей будет насильно вывезена в неизвестном направлении.

А сейчас, когда я пишу эти строки, блокирован город Серноводск и около трех тысяч беженцев из Самашек, лишившихся родного крова, обречены на страдания от голода и холода.

Но все это будет потом, а сейчас мы стоим перед российским постом, который мы должны пройти прежде, чем попадем в Самашки. Нас пытаются не пропустить в село, ссылаясь на то, что здесь зона боевых действий, дороги заминированы, и находиться здесь опасно для нашей жизни.

В ответ на это участники Марша зачитали декларацию, в которой, говорилось, что ответственность за свою жизнь мы берем на себя, что чеченская сторона гарантировала безопасность продвижения, и если с нами может что-то слу-

читься, то только по вине российской стороны. Этот пост удалось пройти.

Нас встречало все село. Люди шли к нам с хлебом-солью. Были и вооруженные жители, они сопровождали колонну, охраняя нас. После небольшого митинга мы отправились дальше, с тем расчетом, чтобы остановиться на ночлег в Ачхой-Мартане.

Колонну сопровождали тележурналисты Англии, Японии, Польши, Германии, Америки. Российских тележурналистов не было. Этот отрезок пути мы проехали на автобусах. Всех желающих невозможно было вместить, решили оставить часть участников в Самашках, а из Ачхой-Мартана выслать на ними автобусы. Но случилось иначе. Эти люди пошли пешком вслед за автобусами, были отсечены российским огнем от основной колонны, одна женщина была ранена.

На блок-посту Ачхой-Мартана нас уже ждали. Внутренние войска были усилены ОМОНОм. Колонна вынуждена была остановиться. Жители деревни пришли к посту, чтобы встретить Марш Мира. Их не пропускали к нам,

Валерий ЩЕКОЛДИН

ФОТО ХАЯСИ МАСААКИ

нас же не пускали к ним. Все это время мы находились под приделом автоматов. Над нашими головами полетели снаряды в сторону Ачхой-Мартана. Село было у нас на глазах и мы хорошо видели взрывы. Так российская сторона встретила Марш Мира и материнского сострадания. В селе знали, что на посту находятся участники Марша. Там были даны три залпа салюта. Так чеченские боевики приветствовали наш Марш.

Смеркалось, пошел снег, было холодно, чувствовалась усталость, но мы решили остаться на ночь перед постом, чтобы утром попытаться продолжить путь. Но около 22-х часов нас окружило прибывшее из Грозного специализированное подразделение — СОБР. Нас насильно затолкали в автобусы и повезли в осетинский город Моздок, где находился фильтрационный лагерь.

В Ингушетии, недалеко от Назрани, нам удалось остановить колонну и выйти из автобусов. Если бы мы это не сделали, последствия, я думаю, были бы ужасны.

Ночь, пустынная дорога, колонна автобусов

окружена российскими БТРами. Здесь же мы выяснили, что часть участников Марша была арестована и где они, и что с ними, мы не знали. Среди тех, кого арестовала российская сторона, были буддийские монахи во главе с японским учителем. Своими молитвами и ритмичной музыкой, которая сопровождала нас на протяжении всего Марша, они заряжали нас энергией, создавая единое поле, единый настрой. Они проповедовали ненасилие, а сами были подвергнуты насилию.

Нас очень беспокоила их судьба, как и судьба остальных арестованных. Началось новое противостояние, которое длилось до трех часов ночи. Мы требовали вернуть к нам наших, незаконно задержанных товарищей. СОБРовцы же пытались затолкать нас в автобусы и продолжить путь в Моздок. На помощь нам пришли ингушская милиция и ингушский ОМОН, прибывшие на БТРах. Российские БТРы были вынуждены покинуть Ингушетию.

Еще неделю после этого участники Марша пробыли в Назрани, пока не выяснили судьбу арестованных его участников. Самой трагической

ФОТО НАТАЛЬИ МЕДВЕДЕВОЙ

оказалась судьба водителя одного из автобусов, — чеченца. Его жестоко избили в станице Асиновской, после чего он попал в концлагерь в Моздоке. Двум российским женщинам, — Юле и Вале, участницам Марша, удалось вызволить его из плена через восемь дней.

А мой путь снова лежал в Грозный. Я решила продолжить поиски сына. Вместе с молодым японским журналистом Хаяси Масааки была на кладбище. Там были собраны тела со всего города: женщины, мужчины, христиане, мусульмане — всех уравнила смерть. Сына я там не нашла.

Отчаявшись найти тело сына, решила искать его как живого. Пути Господни неисповедимы. Возможно он в плену, думала я. Так начался четвертый круг ада. И вот 4-го апреля в селе Ведено появилась группа российских матерей. Каждая добиралась сюда своим путем. Мы встретились в комендатуре, было нас 22 женщины. В Ведено находился штаб Аслана Масхадова.

Чеченцы — гостеприимный народ, все женщины были устроены на ночлег. Ведено расположено в горах, вдали от цивилизации, но война чувствовалась и здесь. Многие жители покинули село. Я и еще три российские матери: Света Беликова, Таня Иванова, Оля Осипенко разместились в квартире, хозяева которой эвакуировались в Воронежскую область, подальше от войны.

Почти два месяца прожили мы в Ведено, периодически выезжая в горные села в поисках своих детей. Надежды сменялись отчаянием...

В Веденском районе действовал шариатский суд. Каждый четверг мы могли наблюдать его из окон квартиры. Законы шариата суровы. За проступком тут же следовало наказание: провинившегося били палками. Убийство наказывалось смертью. Нам тоже приходилось придерживаться определенных правил. Даже в самую сильную жару мы не могли появляться на базаре без платка на голове.

Мы, российские матери, были всегда на виду. Часто нам говорили о том, что это мы сами отправили детей на войну, что это от нас зависело быть войне или не быть, что вместо того, чтобы искать здесь своих детей, нам нужно выступить всем против Ельцина. Тогда война прекратится. Эти люди уже забыли о том, что за Ельцина Чечня проголосовала почти единогласно, что это был и ИХ выбор.

Но в Ведено было много людей, которые искренно сочувствовали нам. Они понимали, что наши дети — солдаты, что у них не было выбора. Совсем недавно многие чеченцы служили в советской армии и хорошо знали, что это такое. Многие из них воевали в Афганистане.

Мы часто сталкивались с великодушием этих людей. Например, в веденской больнице лежали и чеченские ополченцы и российские солдаты. Мне часто приходилось бывать в этой больнице, я ухаживала за раненым российским солдатом. Его положение было тяжелым — ранение в легкое, перелом тазобедренного сустава, двигаться он не мог. Ему сделали операцию, и хотя не хватало медикаментов — лечение он получал. Рядом с Мишей Сергеевым лежал чеченец Муса, который в мое отсутствие ухаживал за Мишей, я же готовила еду и Мусе и Мише, приносила им сигареты. Удалось вызвать маму Миши, и он был отправлен в Дагестан, в город Хасав-Юрт, так как ему требовалась срочная операция.

Я часто задумывалась над тем, кто втянул наши народы в войну, кому она выгодна? Война эта — не религиозная. Всевышний един, об этом говорили и чеченцы. Здесь, на маленьком клочке земли, были затронуты экономические интересы нефтяных российских магнатов. Вот за что гибли наши дети и мирное чеченское население. Чеченцы воевали не против российского народа, а против присутствия российской армии в Чечне. К солдатам они не испытывали ненависти. Всем было ясно, что российская армия была использована в политических и экономических разборках сильных мира сего.

Дни шли за днями. И вот в мае появился проблеск надежды. До нас дошли сведения, что часть пленных находится в горах, в Шатойском районе. Упоминалась фамилия и моего сына.

5 мая нас принял Аслан Масхадов. Должно было состояться перемирие, но российское командование в очередной раз не выполнило своих обещаний. Обмен пленными не состоялся.

Фронт все ближе и ближе приближался к Ведено. В селе оставаться было опасно. Участились бомбежки вокруг села. Несколько раз бомбили и

само село. И вот при очередном налете погибает семья дяди Шамиля Басаева. От двухэтажного дома остался обломок стены. Три дня откапывали тела погибших. Одиннадцать человек, в основном женщины и дети. От бессилия нас охватывало отчаяние. Можно ли называть людьми тех, кто сидит в самолетах и сеет смерть?

Вскоре после этого, мы на себе испытали весь ужас бомбежки. Утро этого дня было солнечным. Я встала рано, приготовила для всех еду. С вечера, как будто что-то чувствуя, сказала женщинам, чтобы собрали вещи. Разбудила Таню Иванову, Оля и Света уже не спали, пригласила всех за стол. Но покушать мы не успели. Самолеты появились внезапно. Первая бомба разорвалась метрах в тридцати от дома. Мы сидели на веранде, стекла вылетели, на столе все перемешалось. Мы вскочили и бросились к выходу, нужно было пробежать через всю квартиру. В этот момент — второй взрыв, как раз на углу нашего дома. Дышать было невозможно из-за плотного облака пыли, перемешанной с мельчайшими частицами стекла. Вылетели все стекла, двери сорвало с запоров. Второй этаж дома был

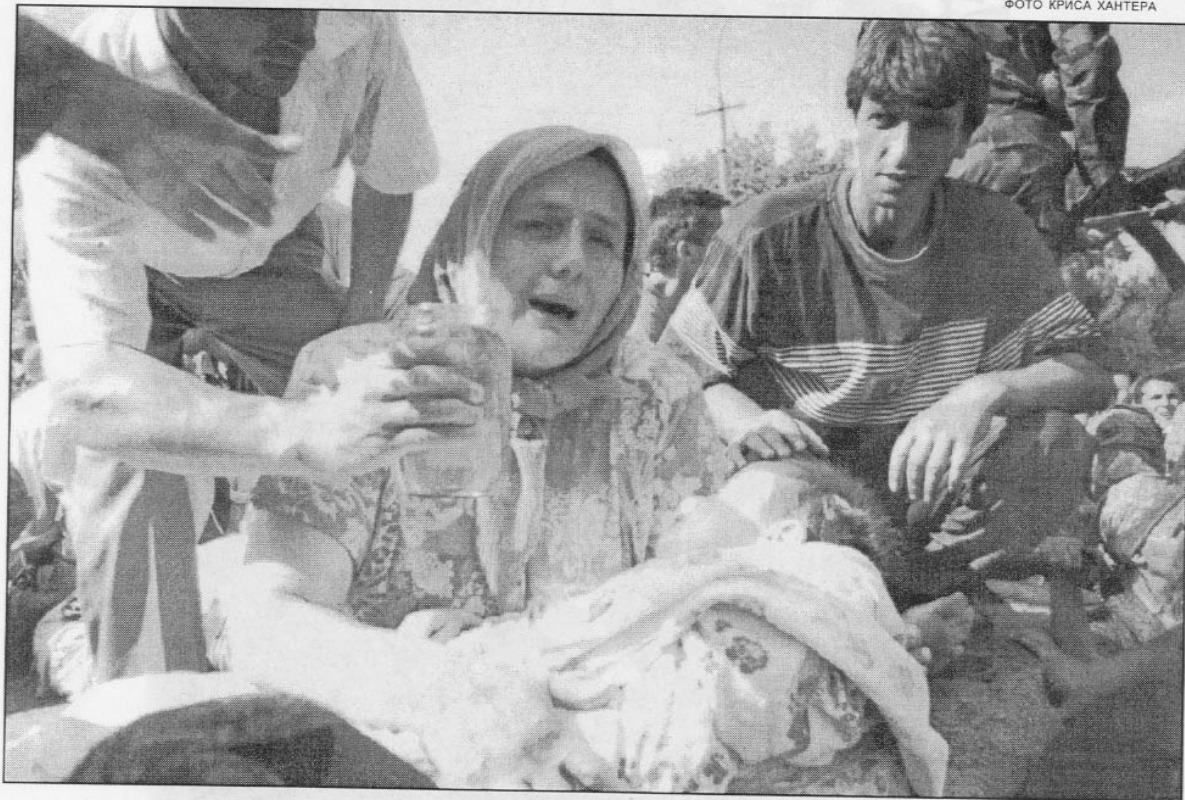

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

снесен, мы находились на первом. Выскочив из дома, спустились в подвал, налет продолжался. Мы старались находиться около выхода, в глубине подвала — страшнее, если завалит, то не откапают. Через полчаса налет кончился, но самолеты постоянно кружили над селом. Нам пришлось покинуть этот дом, жить теперь в нем было невозможно. А в пяти метрах от угла нашего дома была огромная воронка, в которую он мог бы поместиться целиком. Как мы потом узнали, бомбили глубинными бомбами (так население в Чечне называло вакуумные бомбы — прим. ред.)

Осколком стекла была ранена Света. Нога распухла, видимо был задет кровеносный сосуд, ей тяжело было ходить. Ночью нам с Таней удалось отправить ее и Олю в село Шали, там было безопаснее. Мы же с Таней решили уйти из Ведено вместе с боевиками в Шатойский район, где, мы предполагали, могут находиться наши дети. С трудом уговорили боевиков взять нас с собой.

Нам предстоял тяжелый путь по единственной горной дороге, которую постоянно бомбили. Ехать можно было только ночью, не включая фар, потому что самолеты летали и по ночам. Но

Валерий ЩЕКОЛДИН

ФОТО КОЛИНА ХАНТЕРА

эти испытания не пугали нас, мы надеялись что наши дети живы...

Еще несколько дней после того, как был разрушен наш дом, мы жили в Ведено, базарчик уже не работал, продукты купить было негде, ночевать приходилось под открытым небом. Ночи были звездные и самолеты летали бомбить с включенными сигнальными огнями. На фоне звезд их трудно было различить и они бомбили, не опасаясь, что будут сбиты.

Думая о выпавших на мою долю испытаниях, я часто вспоминаю эти ночи. Закутавшись в одеяла, мы с Таней лежали на земле и смотрели на звезды, стараясь различить среди них самолеты. Если звезда начинала падать, это означало, что самолет заходит на бомбежку. А еще я думала о том, что только любовь человека ко всему живому сможет остановить это безумие...

Закончился четвертый, но не последний крут ада. Мы преодолели горную дорогу, которая связывала Веденский и Шатойский районы. В пути наша грузовая машина чуть не сорвалась в пропасть вместе с людьми — сломалось рулевое управление и ее пришлось бросить.

В редко встречающихся селениях мы не могли оставаться надолго, жители боялись, что их будут бомбить из-за того, что появились боевики. Поэтому, когда добрались до Итум-Кале, лагерь был разбит в лесу, на берегу Аргуна, недалеко от поселка. Два месяца поисков наших детей в Шатойском районе тоже не дали результатов. Все наши усилия были напрасны. Боевики как могли помогали нам, выделяли транспорт, делились хлебом, во все отряды передавали данные о наших детях. Еще не раз испытали мы на себе обстрелы и бомбежки. Одними из первых прошли дорогой, соединяющей Шатой с Грозным (после взятия Шатоя российскими войсками).

Когда-то цветущее многолюдное село Зоны было разрушено полностью, только потому, что оно располагалось на подступах к Шатую. На дороге осталась сгоревшая российская техника. Сотни погибших российских солдат! Новогодней ночи было мало, безумие продолжалось. Только безумец мог пустить по такой горной дороге технику... Дорога обросла братскими могилами. На все это невозможно было смотреть без слез.

Сколько же нужно еще пролить крови,

чтобы наконец опомниться и остановиться?

И вот мы опять в Грозном. Уже работала миссия ОБСЕ, здесь велись переговоры о мирном урегулировании конфликта между российской и чеченской сторонами. Наконец-то здравый смысл попытался преодолеть безумие. Перед зданием миссии собирались чеченские и российские матери, журналисты, часто мелькали знакомые лица боевиков. Очень обрадовалась я встрече с японским журналистом Хаяси Масааки и его женой, которые участвовали вместе с нами в Марше Мира. Встречала я и знакомых чеченских женщин, обменивалась с ними информацией. Разговаривала и с боевиками. Ничего, что могло бы вселить в нас надежду, они сказать не могли.

Я чувствовала, что пора возвращаться домой, в Москву. Таня Иванова решила пока остаться в Чечне, поискать еще своего Андрея, заехать потом в Ростов-на-Дону, после чего возвращаться домой в Нефтекамск. Я оставила ей Колину фотографию.

И вот 20 августа я в Москве. Новое несчастье обрушилось на меня. За пять дней до моего приезда попала в аварию моя дочь. Так

начался шестой круг ада...

Моя дочь в тяжелом состоянии, с переломом двух шейных позвонков и сотрясением мозга лежала в больнице. Через некоторое время выяснилось — нужна еще одна операция. Ее назначили на 6 сентября. А 4 сентября позвонила Таня Иванова. Она опознала моего Колю. Под именем Гилев Евгений Сергеевич он был захоронен на Алтае, в поселке Степное Озеро, это 360 км от Барнаула.

Сохранилась видеозапись моего погибшего Коли, как неопознанного, от 21 февраля. Сравнив запись и фотографию, Таня опознала Колю. Сбывался мой вещий сон. Да, я была с сыном рядом 3-го марта, только он был не в вагоне, его уже положили в гроб и подготовили к отправке на Алтай. Человек за компьютером тоже ошибся, сказав мне, что мой сын по компьютеру не значится. Ошибся тот солдат, который в моем сыне опознал своего однополчанина Женю Гилева, хотя они не были похожи внешне, тем более носили разную военную форму. Коля был десантник, Женя — мотострелок...

Когда гроб пришел в далекий алтайский

Валерий ШЕКОЛДИН

поселок, родители Жени вскрыли его, но опознать тело уже было невозможно. Так они похоронили моего сына вместо своего. А через полгода они будут хоронить второй раз, но уже своего сына. Ведь он так и лежал в вагоне под номером 162, лежал с гильзой, в которой была записка, что он Женя Гилев. Его мама, приехав в Ростов, наконец-то опознала его и увезла домой. Похоронили они его недалеко от моего

Коли. Какое-то время они будут лежать рядом...

Я до сих пор не могу смириться с тем, что моего сына нет в живых...

Я часто думаю о том, почему все это произошло именно с нашими детьми? Мы, старые, остались жить, а наших детей больше нет. За что? Мне предстояло еще добиться, чтобы моего сына перевезли в Москву. Я должна была похоронить его рядом с дедом. Это будет седьмой и, я надеюсь, последний круг ада.

Большую помощь мне оказала Мария Ивановна Кирбасова — председатель Комитета солдатских матерей России. Вместе со мной ходила она в военную прокуратуру. Я от себя, а она от Комитета написала заявление, чтобы было возбуждено уголовное дело по факту халатности должностных лиц, а также чтобы тело моего сына было доставлено в Москву.

И вот 15-го октября, почти через полтора месяца, после того как я узнала, что мой сын захоронен на Алтае, Колю привезли в Москву, в госпиталь им. Бурденко. Мария Ивановна и здесь не оставила меня одну с моим горем. Она вместе со мной присутствовала на опознании, была на похоронах, помогла материально. Я бесконечно ей благодарна за это.

Приехала на похороны и Таня Иванова. В Ростове-на-Дону она опознала и своего Андрея, хотя слово "опознала" здесь не подходит. Просто эксперты по снимку черепа, грудной клетке и группе крови определили, что это ее Андрей.

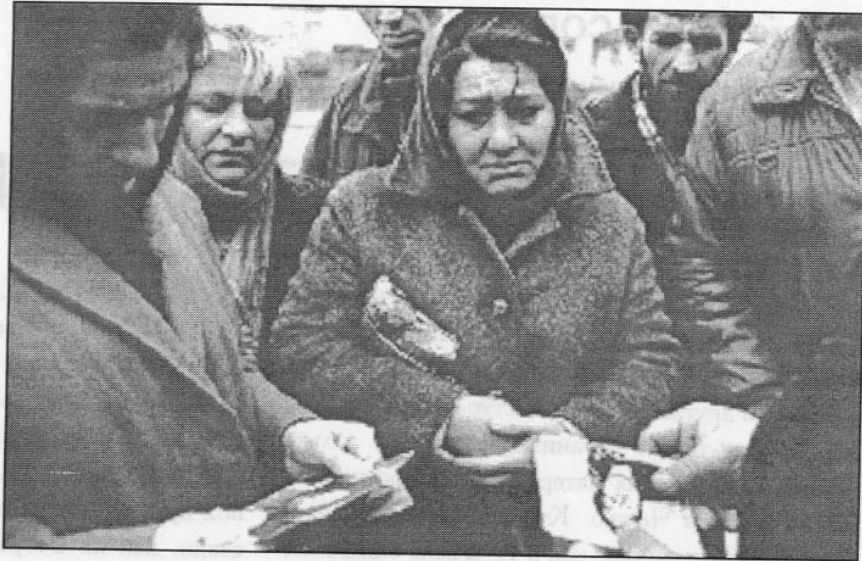

ФОТО НАТАЛИИ МЕДВЕДЕВОЙ

Тело все обгорело, узнать его было невозможно. И вот, похоронив своего сына, Таня приехала на похороны ко мне. Таня потеряла своего единственного сына, но откликнулась на мое горе. Огромное ей спасибо.

А что же военные? Да ничего. От части, где служил мой сын, был всего один человек. Гроб несли не десантники, а школьные друзья моего сына. Денег у государства на похороны тоже не оказалось, потому что много нас таких, так мне сказали городские власти. Зато представитель в/ч 41450 говорил что-то о воинском долге, который выполнил мой сын...

Что же это за долг такой? Что мы должны этому государству, которое отнял у меня самое дорогое? И что оно еще потребует от меня? Я сделаю все от меня зависящее, чтобы мой внук не служил в армии. ТАКАЯ армия нам не нужна!

Вот уж два года идет война в Чечне. Наши политики много суетятся в борьбе за власть. Есть ли среди них здравомыслящие люди, способные прекратить войну? Каждый день все новые и новые жертвы — убитые, пропавшие без вести, раненные... Но все это столь далеко от уютных кабинетов властителей! А матери по-прежнему мечтают в поисках своих сыновей...

*А мальчиков наших, прекрасных и юных,
Не для войн, не для братских могил мы
растим
И политикам мерзким, преступным,
безумным*

Мы Чечню никогда не простим, не простим!

Мария КИРБАСОВА

председатель Комитета солдатских матерей России

ЧЕЧНЯ В МОЁМ СЕРДЦЕ

В ноябре 1994 года мы встречались с министром иностранных дел РФ А.В.Козыревым. Было много общественных организаций, “Мемориал” и другие. В своем выступлении я сказала, что почему-то все организации молчат, только Комитет солдатских матерей бьется против введения войск в Чечню. Кто хоть немного знает историю этого народа: как в 19-м веке они 50 лет сражались против русской армии за свободу родины; как в 1944-м, по приказу Сталина, их репрессировали, поголовно депортировав в Казахстан, тот поймет, что ввод войск в Чечню — это Афганистан номер два, не говоря уж о том, что это прямое и явное применение армии против собственного народа. Но все это как-то прошло мимо...

Первый ввод российских войск состоялся 26 ноября. Думали наскоком взять Грозный, но не получилось. Там были наемники, завербованные ФСБ: солдаты-“дембеля”, офицеры из Таманской дивизии. Поэтому наш комитет не очень волновался, и нас удивила публикация в “Известиях”, в которой Дудаев говорил, что военнопленных он отдаст только общественной организации “Комитет солдатских матерей”. Тогда я поняла, что у нас есть авторитет. Видимо, после работы в Азербайджане в 1990 году.

Но после 26-го за военнопленными поехал Юшенков и другие депутаты. Наша Анжелика Чечина просила взять ее, но они без нее поехали. И вот приезжает депутат в Грозный, берет 2-3 пленнх и бежит скорей в Москву давать интервью. Это было бы смешно, если бы не было так мерзко и гадко, будто торговля живыми людьми!

В начале декабря к нам пришли матери солдат из Ставропольской десантной бригады, сыновья которых успели позвонить и сказать, что их отправляют в Грозный. Мы организовали группу, писали обращения, пикетировали Государственную Думу, но 11 декабря российские войска все-таки ввели в Чечню. Двумя колоннами,

через Ингушетию и Дагестан. Война началась...

На улицах Грозного весь январь лежали тысячи трупов наших солдат. В вагонах госпиталя в Ростове-на-Дону до сих пор лежат неопознанные тела. Как рассказывали нам уцелевшие ребята, на штурм Грозного солдаты срочной службы шли под дулами автоматов ОМОНа в 500-х метрах сзади, как на Второй мировой, когда вслед за наступающими частями двигались заградотряды НКВД...

16 декабря мы организовали “горячую линию”. По телефону собирали запросы матерей о сыновьях. По всей России матери металась, ибо бросали в Чечню войска, а матерям об этом не сообщали, ребятам же запрещали писать об этом домой. И только Комитет оказался единственной организацией, которая принимала заявки. Мы переправляли их в штабы, получали ответы и отвечали матерям, где их дети. Две недели вели “горячую линию”. Я говорила в Министерстве обороны: “Почему мы делаем вашу работу? Вы взяли мальчиков в армию, они выполняют свой долг. Почему вы не исполняете свой долг перед их родителями? Родители имеют право знать куда послан их сын, что с ним, убит он или ранен”. Через две недели Минобороны ввело “горячую линию” во всех штабах.

По результатам “горячей линии” — это очень важно — мы стали требовать, чтобы опубликовали списки раненых и погибших. 20 декабря мы написали обращение к Президенту. В царской России публиковали, это везде делается, такие цифры должны быть открыты. Но до сих пор ничего правдивого не опубликовано. Депутат Задонский по нашему обращению подготовил проект Закона о публикации списков. Так фракция “Женщины России” — у нас есть письменный документ — возражает! Сергей Шахрай, этот “мироворед” — он тогда возглавлял Министерство национальностей — возражает! Это же чудовищно! А дело в том, что им невыгодно: это

ФОТО "НИПОНЗАН МЕХОДЗИ"

будет социальный взрыв. Во время штурма Грозного в ночь с 31 декабря на 1 января 1995 года были огромные потери...

В первый раз мы поехали в Чечню 6 января 95-го. Ехали матери и через Комитет и сами. Много их было, очень много. Хочу здесь сказать доброе слово об администрациях тех регионов России, где горе матерей нашло отклик и сочувствие. Они помогали с транспортом, организовывали автопоезда. Спасибо им!

На моих глазах матери совершали чудеса героизма. 18 января Краева на коленях ползла во дворец Дудаева за сыном-военнопленным, потому что ни проехать, ни пройти уже нельзя было. Отдали ей сына, уехала счастливая.

А Маша Федулова! Маша пробралась в Чечню самостоятельно. Мы встретились с ней в подвале 2-й горбольницы Грозного. А я уже видела ее сына в абхазском батальоне Шамиля Басаева, и когда сказала ей об этом, Маша под обстрелом побежала. Бежать надо было в гору, мишень для снайперов отличная, как на ладони. Оказалось, что накануне ее сына Дениса обменяли на чеченца. Шамиль Басаев сказал, что ни за что бы не обменял, если бы знал, что мать приедет. Прокурор Чечни Усман Имаев поспособствовал,

чтобы отдали сына матери и она уехала домой в Москву с сыном. Это было 28 января.

Всегда говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В Москве мы знали, что эта война чудовищная, но то, что мы увидели, было в десять раз хуже, чем мы думали в Москве. Когда 8 января матери пробирались под обстрелом во Дворец президента, нас спросили: "Хотите посмотреть ваших погибших солдат?" И мы побежали зигзагами, потому что снайпера били по любой движущейся цели. И вот умирать буду — не забуду: три трупа лежат у гаражей, у одного собаки из ноги мясо съели. Я так кричала... А потом мы увидели много трупов. Со дня штурма лежали. Все изъеденные, их уже нельзя было узнать. Какая жестокость! Я считаю, что наша страна особенно этим отличается — жестокостью по отношению к павшим солдатам. Я видела как хоронили чеченцы. Когда 24 января минометным осколком убило Резвана — хирурга, я наблюдала. Они сразу заворачивают в белую одежду, читают молитву, кладут, и любая машина останавливается, чтобы отвезти и в этот же день похоронить. Вот насколько они гуманнее наших, и наших русских генералов. Надо там быть, изо дня в день видеть это...

Я поехала в Хасав-Юрт, чтобы позвонить в Москву. Член нашего комитета Юля Горячева училась в школе с женой помощника президента Сатарова. Так вот, через нее мы хотели пробиться к Ельцину — пусть объявят перемирие, надо трупы наших ребят убрать. Это очень большой позор... Позвонила, Юля обещала. Потом, в Москве, она рассказала, что не могла поймать Сатарова ни на квартире, ни на даче, нигде. Он просто скрывался. Тоже трус...

Мы очень ждали этого перемирия, хотели посчитать, сколько погибло солдат. Я потом только поняла, как была наивна: российским генералам как раз и нужно было скрыть, сколько в новогоднюю ночь погибло личного состава. По первой программе телевидения говорят — перемирие, а его нет. Как бомбили, так и бомбят. Чеченские бойцы молодые приходили из боя и на нас с Галей Севрук набрасывались: мы с Галей были “представители” России. Весь этот страшный январь за всю российскую армию там держали ответ, да еще и за пропаганду лживую. Я еще говорю что-то, а Галя молча плачет. Я ее понимаю,

я ведь калмычка, представитель такого же репрессированного народа, мне чеченцы близки и понятны, а она — русская. И вдруг Галя говорит: “Господи! Что же делать!? И вы — наши, и русские солдаты — наши”. Это была великая правда. Армия убивала собственный народ. Если Чеченская республика — часть России, почему армия должна убивать свой народ?

10 января, когда приехал Сергей Ковалев со своей группой, Масхадов ходил на переговоры к генералу Бабичеву, который вместе с генералом Рохлиным руководил штурмом Грозного. Вернулся довольный: “Бабичев согласен на перемирие”. Чеченцы говорят: “Мы согласны помочь ваших мальчиков подобрать”. Для мусульман кощунство, что лежат — они их называли “пацанами” — убитые и никому не нужны. Нам было так стыдно, что чеченский генерал ходит-просит русских генералов подобрать их же погибших! А наутро Бабичев даже на связь не вышел. Я думаю, что он ночью с Грачевым связывался. Мы думали, что со стыда умрем...

12 января в 8 часов утра Дворец вдруг как

Валерий ШЕКОВИЧ

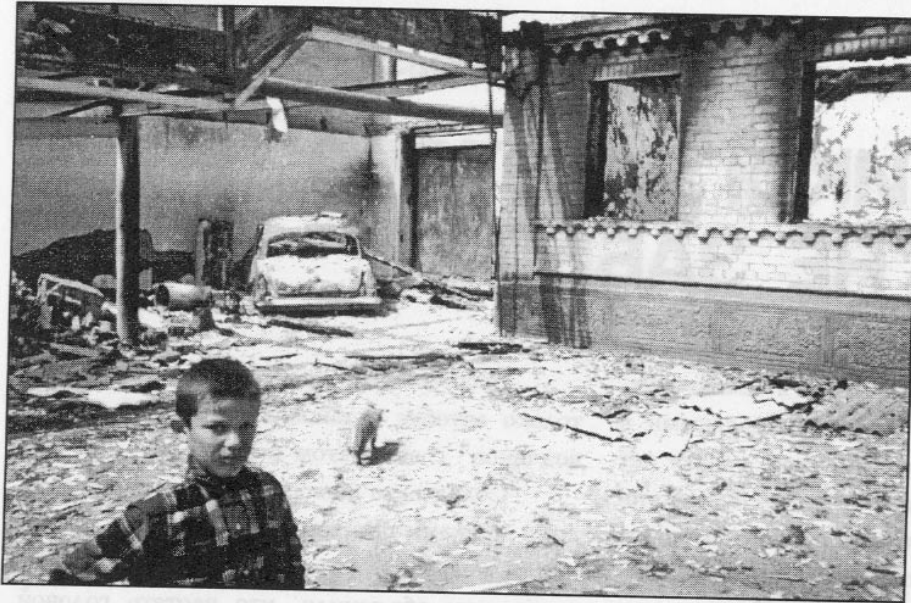

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

содрогнется! Очень сильный был удар, воздух наполнился пылью и известкой, почти нечем было дышать. Это они применили ракету “земля-земля”, хотя прекрасно знали, что во Дворце и мы (Комитет солдатских матерей), и 87 человек наших пленных, и многие из них ранены. Масхадов велел нам вывозить раненых и приказал Басаеву подогнать единственный их БТР. В ночь на тринадцатое пришел БТР, начали грузить тяжелораненых. Масхадов нам отдал троих пленных солдат, и вот нас в этот БТР запахали и вывезли...

Хотя они и бомбили почти непрерывно, и ракету, точно бьющую применили, но Дворец устоял, потому что Грозный в сейсмоопасном районе находится и Дворец строили так, чтобы он выдерживал 12-бальное землетрясение по шкале Рихтера. Поэтому ничего с ним поделать не могли ни бомбы, ни “Град”. Тогда они применили вакуумные бомбы, обладающие большой пробивной силой и пробили и потолок и все шесть этажей. Одна такая бомба попала прямо на кровать раненого мальчика-башкира, но он в этот момент был на перевязке и потому не погиб. И тогда Масхадов отдал приказ покинуть Дворец. Они ушли из Дворца 21 января. Сами его оставили.

18 января мы встретились с Джохаром Дудаевым. Он сам к нам на встречу пришел. Это произошло в расположении абхазского батальона Шамиля Басаева, в столовой. (Как же там было холодно!) Полтора часа Дудаев с нами беседовал. Мы много проблем обсуждали: о суверенитете, о

блокаде, о войне. Потом я с ним поссорилась... Я же вообще против насилия, потому что я — буддистка, а он говорит, что будут теракты, что будут пылать города. Когда я стала говорить, что по отношению к мирному населению так нельзя, он отвечает: “А почему нас можно убивать?” И вы знаете, мне нечего было ему ответить. И теракт Шамиля в Буденновске я не оправдываю, но понимаю, что у них другого выхода не было. Ни Сергей Ковалев со своей группой, ни матери, которые под бомбами шли в Марше Мира, — никто не мог остановить эту войну. Мы долго горько размышляли и пришли к ужасному выводу, что в этой стране понимают только язык насилия. Теракт Басаева, конечно, невероятно жестокий, но он был отчаянным шагом, чтобы остановить войну. И ведь остановил! Хотя бы на время...

8 февраля, когда я ушла из Грозного и оказалась в Назрани, у помощника президента Ингушетии Петра Косова, я увидела список из 600 пленных. А у меня всего 137 было. Потом я поняла, откуда этот список. Матери из Майкопа тоже к Масхадову приезжали. А Майкопская бригада вся погибла! Они не хотели верить и записывали как пленных...

Нас часто спрашивают, сколько пленных нам удалось освободить. Немного, — около 100 человек. Когда я вернулась в Москву 13 февраля, мы публично не говорили, сколько военнопленных мы спасли. Я считаю, если делаешь доброе дело — нельзя самому кричать об этом. У людей есть глаза, и если они хотят увидеть, то увидят. Не хотят — значит и не надо. Таково мое кредо. Если мы спасли хоть одну солдатскую жизнь, значит наше существование на земле оправдано.

Вячеслав СЛЕСАРЕНКО

Монах буддийского ордена "Ниппонзан Меходзи"

"НИКОГДА ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ"

Третий раз перед нашими глазами жуткие скелеты без окон и дверей, с дырами в стенах, обвалившимися потолками. Почти нет живых деревьев. Пережившие несколько ужасных месяцев жители Грозного и почти всех сел Чечни — около резиденции ОБСЕ. Труднее всего уничтожить веру. Конечно, мы вызываем пристальное внимание и, даже завернув в лабиринты развалин в поисках туалета, оказались засыпаны вопросами.

Двое свойски держащихся мужичков, вызывавших сомнения из-за незнания языка, заявили, что они "водопроводчики из Кабарды, приехавшие восстанавливать город".

Воспоминания пронеслись мгновенно, как только автобус остановил один из "водопроводчиков" с автоматом в руках.

Солдаты за шиворот вытащили нас наружу и пинками поставили с поднятыми руками лицом к "газону" (военный джип). Завязывая глаза, нам объяснили, что вертеть головой, говорить, делать резкие движения запрещено. Особенно, если не хотим еще больших неприятностей, дав понять, что это — еще цветочки.

Как-то запихнув восьмерых монахов в одну машину, под сопровождением БТРа нас очень долго везли, кружа по улочкам, сбивая ориентацию.

Валерий ШЕКОВДИН

ФОТО "НИПОНЗАН МЕХОДЗИ"

Слышно было, как, вызывая по радио "базу", сообщили, что "товар скоро будет — готовьте встречу". И подготовили...

Ударами бросили на землю. Руки за голову, ноги раздвинуть! Ругаясь, отобрали у Сэнсэя четки (красивые), а наши, деревянные, просто посрывали. На меня не хватило наручников — и руки связали просто тонким ремнем, конечно, отобрав при этом японские часы.

Тот, кто снял часы, тыча в спину дулом автомата, пообещал: "Я тебя убью! Россию продал, иноверец! Сейчас не могу, нельзя... Но потом все равно убью!"

Земля как мать, вобрала в себя все переживания, беспокойства. Окутала своим сырým запахом и прохладой. Было даже приятно так вот просто лежать.

Хорошо, что Настя надела платье в чеченском стиле. Ее не заметили среди женщин, с которыми мы ехали. Взяв рюкзак, я успел незаметно передать ей фотоаппарат и снятые пленки, которые показывают масштаб противо-

стояния чеченского народа российскому военному вторжению.

Наконец меня подняли и бросили к остальным ребятам в яму. Нам так и не развязали глаза, к этому было очень тяжело привыкнуть.

Зато теперь меня наполнила почти абсолютная уверенность, что нас не убьют.

Солдаты заняли очередь на разминку: кто и кого из нас будет бить. Один сел перед ямой и, похлопывая палкой о ладонь, долго расспрашивал. Кто такие, откуда, зачем. Затем, уходя, сказал своим друзьям: "Нет. Я этих бить не буду". Те удивленно: "Ты что, в армию спасения записался?" "Ну, это ведь монахи". "Где это ты видел монахов в кроссовках?". "Нет, бить не буду". "Я кроссовки себе заберу". "Прямо так заберешь? А в чем же он пойдет?" "Я ему свои кеды драные отдам, да и ему уже ходить не придется. Все равно, монахи ведь".

Коля попросился в туалет, и, к нашему удивлению, его туда все-таки решили отвести.

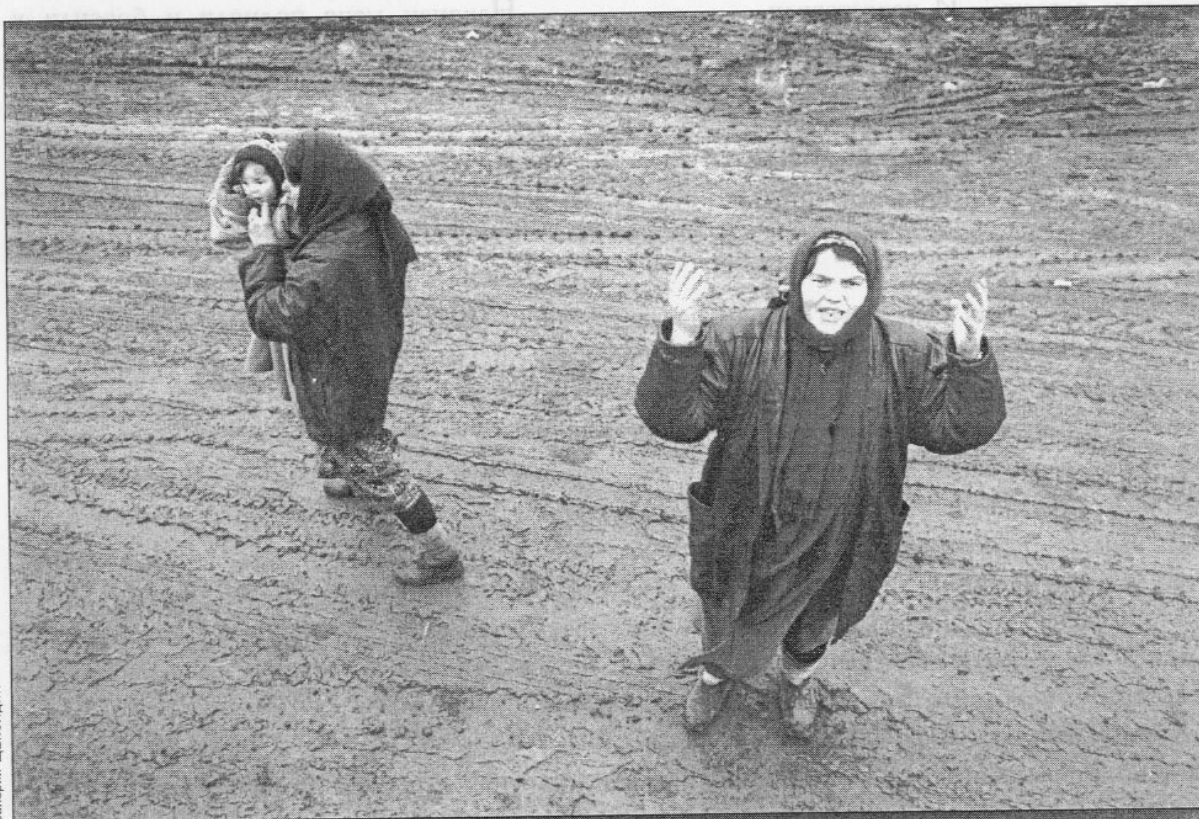
К этому времени подъехала какая-то большая машина. С вопросами “а куда это их?” нас вытащили из ямы и посадили в кузов. Но те, кто за нами приехал, молчали — это были уже не юные солдаты, а наемники или офицеры спецвойск. Мы опять были в неизвестности, в пути куда-то. Ощущение абсолютной беспомощности и зависимости одновременно со свободой переживать или быть спокойным, страдать или избавиться от страданий. Сожалеть о том, что многого не успел сделать в этой жизни, или приветствовать возможность обрести новое тело и, возможно, лучшие условия в следующей жизни. Но какое тело обретешь, кто знает точно? Какие условия? Не это ли лучшие условия для практики, здесь и сейчас?

Завязанные глаза заставляли опять и опять, все глубже и глубже погружаться в себя. Заглянуть в каждый уголок, вспомнить самые значительные, хорошие и плохие моменты своей жизни. Увидеть свои привязанности,

ощутить в полной мере их силу. Условия просто сами по себе изменяли мое отношение ко всем проявлениям окружающего мира как вне, так и внутри самой природы моего существа. Что ждало нас впереди? О чем думали мои братья и как смотрел на все происшедшее наш Учитель?

Я не знал. Я не знал, что впереди еще долгие дни в клетке, в фильтрационном лагере. Я не знал, что будет еще перелет в Москву. И конечно, не знал, что в автобусе увижу солдата, который летел с нами из Чечни, с моими часами на руке. Я посмотрел ему в глаза и увидел, что теперь он еще больше хочет меня убить. Но теперь, уж точно, не может.

Единственное желание было у меня — никогда этого не забыть. ■

Валерий ШЕКОВДИН

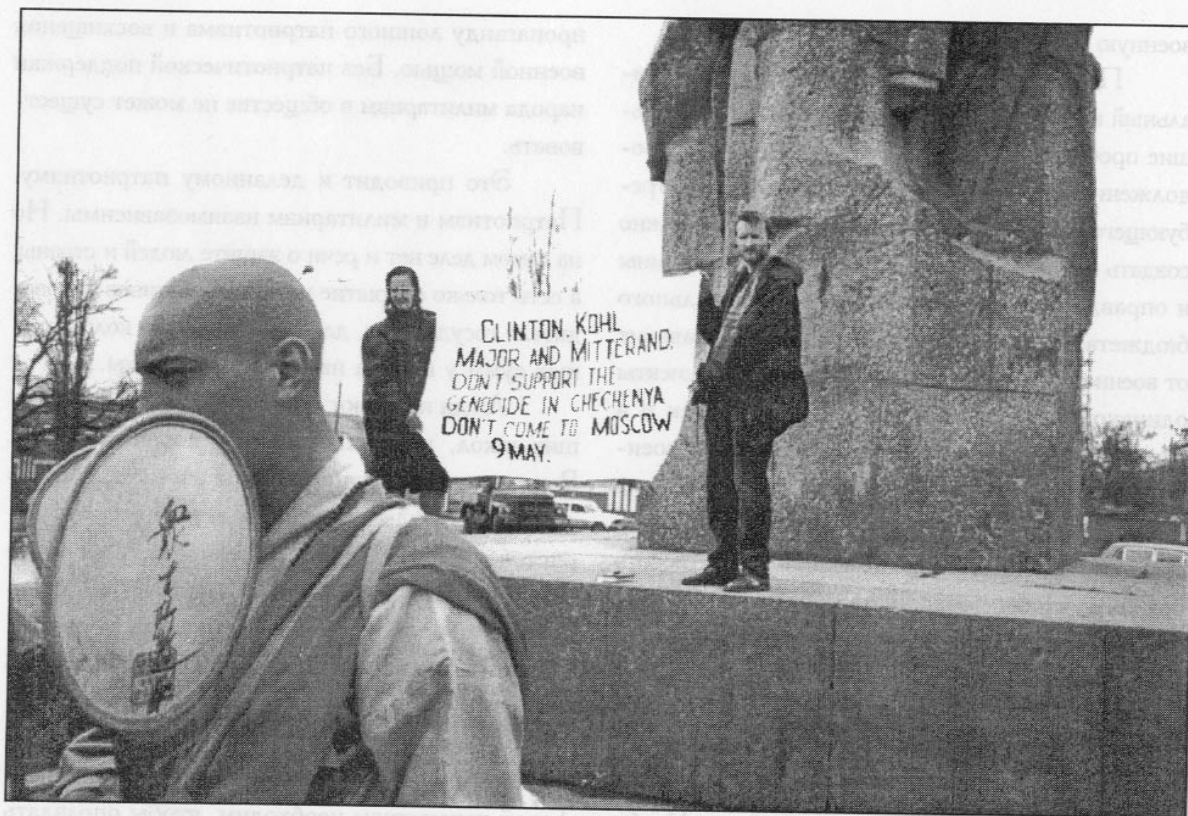

ФОТО "QUAKERS PEACE & SERVICE"

Достопочтенный Дзюнсэй ТЭРАСАВА
 буддийский монах из Японии, Учитель ордена "Лотосовой сутры"
 ("Ниппонзан Меходзи") в России и на Украине

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА КАК КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Корень того зла, которое отразилось в Чеченской войне, происходит из нашего собственного сознания. Оно отравлено тремя ядами: невежеством, жадностью и гневом. Если глубже, то в особенности — фундаментальным невежеством. Будда говорит, что все страдания в этом мире коренятся в желаниях, жадности. Я применяю это к характеру Чеченской войны.

Прежде всего, российская сторона оправдывает свою агрессию удержанием собственной территории и установлением своего конституционного

порядка. Но о действительных мотивах открыто не говорят. Их существует несколько, и они связаны с кризисом нынешней цивилизации.

Наибольшая часть мировой экономики контролируется всего несколькими людьми, благодаря их контролю над мировыми природными ресурсами. Речь о правительствах богатых стран. Почему они обладают большей частью мировых ресурсов? Как он осуществляется? Через военную мощь. Как им сохранить военное могущество? Развивая громадную военную промышленность и

военную машину.

Последние несколько лет военно-индустриальный комплекс богатых стран испытывает большие проблемы: не могут найти причины для продолжения широкого военного производства, требующего вложения огромных денег. И так, нужно создать причины для содержания военной машины и оправдать военные затраты из национального бюджета. Экономика этих стран сильно зависит от военной промышленности. Упомянутые аспекты одинаково присутствуют как в США, так и в России, являющихся двумя крупнейшими военными державами, чья экономика глубоко больна именно из-за военной промышленности. Сейчас эта промышленность уже не может существовать без того, чтобы продолжать ежегодно получать громадные суммы бюджетных денег. Для оправдания использования таких громадных сумм нужна война.

Без войны не может существовать промышленность и машина милитаризма. Потому таким странам нужна милитаристская культура. Чтобы создать ее, правительство должно проводить

пропаганду ложного патриотизма и восхищения военной мощью. Без патриотической поддержки народа милитаризм в обществе не может существовать.

Это приводит к деланному патриотизму. Патриотизм и милитаризм взаимосвязаны. Но на самом деле нет и речи о защите людей и страны, а есть только сокрытие истинных мотивов руководителя государства, для стяжательства колоссальных сумм у народа на военные расходы.

Люди не имеют постоянной зарплаты, хороших школ, хороших больниц, хороших домов. Вместо развития национальной экономики лидер страны вынужден красть эти деньги для милитаристов и военной промышленности. Для этого всегда нужна война. А чтобы начать войну, лидер должен пропагандировать ненависть к другим людям. Без ненависти народ не сможет поддержать его.

Патриотизм, который основывается на ненависти к другим людям, является ложным. Такой патриотизм необходим, чтобы оправдать войну.

Валерий ЩЕКОЛДИН

НХААСАМ НОРАХ ОТОФ

Теперь российское общество серьезно больно: в экономическом плане — безнадежность, в политическом — лидеры партий должны опираться на эмоциональную пропаганду против чеченского народа. Это один из мотивов чеченской войны.

Но есть более глубокий мотив. Сейчас все богатые страны хотят сохранить громадную Россию, удержать ее, после краха коммунизма, в сфере влияния западных капиталистов. Эта работа продолжается с 1991 года, с момента распада Советского Союза. Однако после пяти лет экономических реформ наступил полный крах. Это означает, что у Запада не было реальной философии относительно будущего мира. Просто после окончания холодной войны и распада Советского Союза западные страны хотели сохранить свое богатство и свой контроль над миром, используя российские реформы для своего собственного блага. Такова реальная картина того, что произошло за последние пять лет реформ в России.

И Запад боится признавать неудачу этих реформ, и Ельцин тоже боится это признать. Единственное, чего они опасаются, это возвращения коммунизма. По этой причине западные

державы и Ельцин — вместе.

Что на самом деле хотел Запад через российские реформы? Контролировать Кавказ, Среднюю Азию и Ближний Восток ради интересов западной экономики. Запад ни за что не согласится, чтобы эта чувствительная геополитическая зона оказалась на стороне исламской цивилизации.

Война в Персидском заливе, под эгидой ООН, полностью разрушила целую страну — Ирак и нанесла тяжелейший удар иракскому народу: были разрушены все общественные механизмы, мосты, коммуникации, транспорт, фабрики, больницы... Почему Западу нужно было разрушить Ирак? Лишь потому, что после краха коммунизма огромная область нефтедобычи должна быть под контролем США, ради будущего американской экономики, зависящей от контроля над всеми ресурсами Ближнего Востока, Кувейта, Саудовской Аравии...

А сейчас, после распада Советского Союза, предметом беспокойства стал Кавказ, нефть Каспийского моря, нефть Казахстана, уран и атомная промышленность в Таджикистане. Сейчас это независимые республики. Америка боится, что их

ресурсы могут пойти напрямую в исламские страны. Ибо есть Иран, являющийся антиамериканской страной, и такой же Ирак. И сейчас они вместе с Пакистаном и Афганистаном борются за то, чтобы обрести экономическую силу, достаточную для противостояния западной, христианской цивилизации. Запад чувствует здесь наибольшую угрозу.

Итак, Запад любыми путями стремится к тому, чтобы Россия контролировала данный регион. Такова экономическая, геополитическая стратегическая причина, стоящая за Чеченской войной. Поэтому Чечня одна, без какой-либо международной поддержки, бросает вызов этому стабильному международному порядку, ориентированному на Запад. Никто больше из бывшего Советского Союза не встал прямо и открыто против этого порядка. Потому с начала войны в Чечне весь Запад и Америка хранят полное молчание, видя жестокость, массовые убийства, геноцид в отношении чеченского народа со стороны российских вооруженных сил.

Но борьба народа Чечни — не только за

национальные ресурсы, или экономику, или геополитические интересы. Чеченцы хотят защитить свою культуру, свою свободу, свою духовность, достоинство, собственную жизнь.

И здесь заложена правда, стоящая за борьбой чеченского народа, и несправедливость мотивов российской агрессии. Результат этого противостояния в действительности повлияет на все будущее человечества.

Такое глубокое значение имеет борьба чеченского народа для будущего мира.

Мы видим страдания и трагедию народа Чечни. Подношения чеченцев собственной жизнью сходны с практикой бодхисаттвы. Чеченцы делают подношение жизнью, землей, собственностью. Они выступили одни перед непомерной жестокостью российской военной агрессии, а также перед предательским сотрудничеством всех западных держав, выступили лишь за человеческое достоинство, ради защиты собственной духовной традиции.

Таков характер этой борьбы. И это борьба за будущее всего мира. Милитаризм и экономический контроль природных ресурсов — это то,

Валерий ШЕКОВИЧ

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

что разрушает сейчас весь мир. Militarизм может уничтожить всю Землю и все население планеты с помощью ядерной войны. И этот милитаризм является инструментом жадности нынешней мировой экономики.

Но еще более глубокая причина Чеченской войны — фундаментальное, изначальное неведение нашего собственного сознания. Это означает, что мы не можем увидеть природу Будды в каждом. Наша жизнь не зависит от собственности, или от физической силы. Фундаментальное неведение этого может быть устранено лишь пробуждением нашей собственной природы Будды. Природа Будды видит: истинная жизнь вечна, без собственности, без нашего личного “эго”, без сомнений относительно других людей. Природа Будды объединяет всех в одну Жизнь. И эта одна Жизнь не существует на какой-то определенной территории, но во всех землях десяти направлений, во всей Вселенной есть только одна Жизнь. На этой одной Земле есть только одна Жизнь. Это все — как одно целое, объединено. В этом единстве — Вечная Истина. И реализацией (осознанием) этого является пробуждение Природы Будды.

Таков Путь одержания победы над этим фундаментальным неведением. Из этого неведения начинаются все эскалации: есть “Я”, есть “моя” страна, есть “моя” территория, “Я” должен защищать ее от “врагов”. Для этого нам нужна военщина, для этого мы тратим деньги, и ради этого мы способны убивать людей. Вся эта логика развивается из такого глубочайшего, изначального неведения.

Сегодня — темный, злой век, наполненный страхом. Для этого века была оставлена Лотосовая сутра, чтобы уничтожить эту тьму заблуждений и пробудить Природу Будды, которая способна объединить всех, все земли в Одну, Вечную, Истинную Землю. Ради этого мы должны практиковать Дхарму, врученную Буддой, как посланцы Будды, посланные Буддой, чтобы совершать деяния Будды.

Чеченская война — это битва, чтобы разрушить войско Мары фундаментального неведения. ■

Михаил РОЩИН

Московская Квakerская группа

МАРШ МАТЕРИНСКОГО СОСТРАДАНИЯ

записки участника

Жизнь и смерть — вечные темы религии, поэтому мне кажется естественным, что первая попытка мирным путем остановить войну в Чечне была предпринята преимущественно верующими людьми. Сама идея марша за мир в Чечне как Марша Материнского Сострадания была предложена руководителем буддийского ордена “Ниппонзан Меходзи” в Москве, японским наставником, г-ном Тэрасавой. К буддийским монахам присоединились: Комитет солдатских матерей, Московское квакерское собрание и правозащитная организация “Омега”.

8 марта 1995 года, после символического обхода Кремля, передовая группа участников Марша выехала в Саратов. В ее составе были представители разных религий: буддисты, христиане, мусульмане, иудеи. Российское общественное мнение было весьма доброжелательным к идее проведения Марша, но по мере приближения к Северному Кавказу отношение местных властей становилось все более настороженным.

На полпути из Минеральных Вод в Нальчик, в Прохладном, милиция заставила участников Марша покинуть поезд и, посадив их в специ-

Валерий. ЩЕКОВДИН

ФОТО "НИППОНЗАН МЕХОДЗИ"

альный автобус, пыталась отправить в Моздок. С большими трудностями передовой группе удалось добраться до Назрани, столицы Ингушетии, куда должны были прибыть остальные участники Марша. Ингушское население и республиканские власти поддерживали идею мирного Марша и относились к его участникам, я бы сказал, породственному.

Начало Марша из Назрани в Грозный по разбитым войной дорогам Чечни было назначено на 25 марта. В этот день мы собрались на центральной площади города. Звучали буддистские, мусульманские, иудейские и христианские молитвы. Мы поклялись не прибегать к силе даже для самозащиты.

Марш двинулся по улицам Назрани, Люди несли иконы, буддистские религиозные стяги. Казалось весь город вышел провожать нас, многие искренне верили в успех нашей миссии.

И вот мы прибыли в первый чеченский поселок Серноводск. Жители встречали нас хлебом-солью, женщины плакали. В центре поселка состоялся митинг и моление о мире. Мы провели в Серноводске ночь и ужинали при свечах (зная

о Марше, федеральные власти вечером отключили электричество).

В то время Серноводск находился в гуманитарной зоне МЧС и не подвергался бомбежкам и обстрелам. Но его жители пребывали в постоянном страхе, что федеральные силы найдут предлог и вторгнутся в поселок. К сожалению, через год так оно и случилось, и сегодня пограничный город Слепцовск переполнен беженцами из Серноводска.

На следующий день участники Марша пошли в Самашки. Рядом с дорогой стрекотали военные вертолеты. Они обстреливали что-то в стороне от нее, а над незасаженными чеченскими полями плыли буддийские гимны и мусульманские песнопения.

Федеральный блок-пост находится у въезда в Самашки. Федералы не хотели нас пропускать, но все же пропустили. Почему? Видимо заманивали ловушку перед Ачхой-Мартаном.

И в Самашках население встретило нас хлебом-солью. Нас также приветствовали местные бойцы чеченского сопротивления, многим из которых было едва ли больше 18 лет. Когда мы пришли в Самашки, это было цветущее, полно-

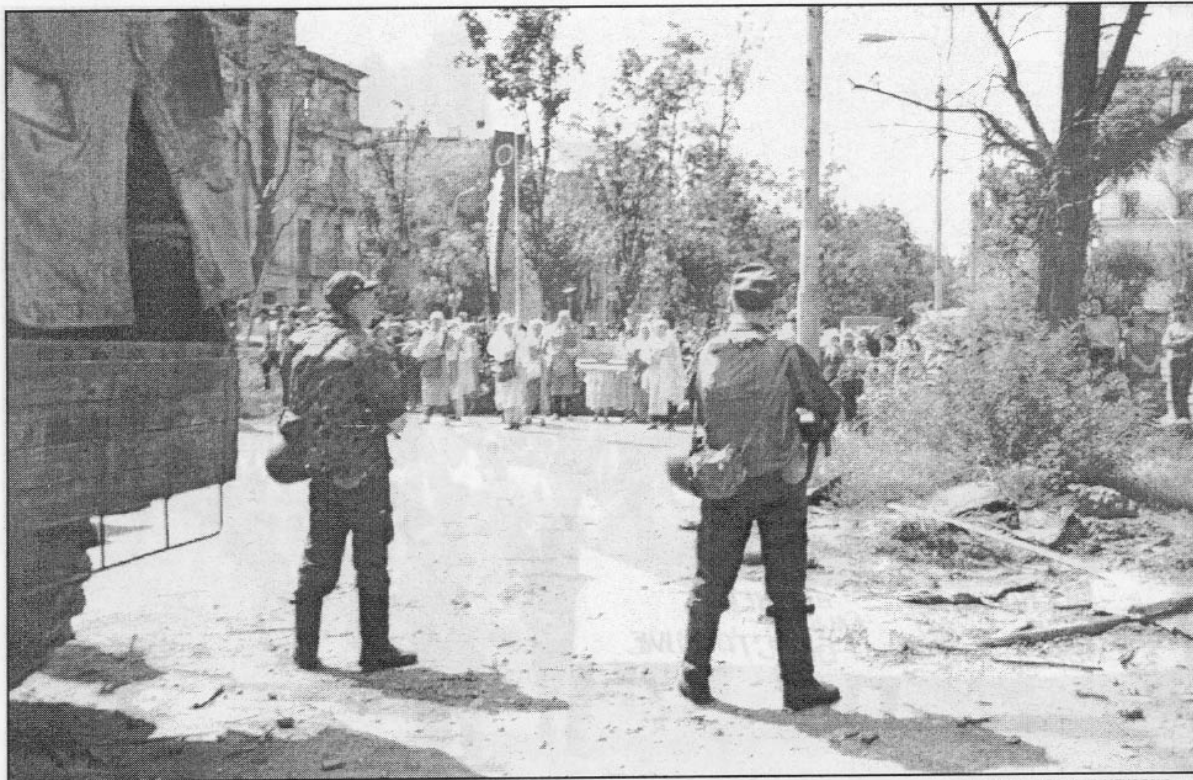

ФОТО "НИППОНЗАН МЕХОДИЗ"

кровное село. Позднее оно было дважды "зачищено" федералами...

Из Самашек мы в тот же день двинулись в Ачхой-Мартан. При подходе к селу мы были остановлены на блок-посту. БТР и солдаты с автоматами наперевес преградили нам путь и отделили от ачхой-мартановских женщин, вышедших навстречу с мирными лозунгами. Мы стояли на коленях и молились о мире в течение нескольких часов. Со стороны села слышались мусульманские песнопения. Вскоре начался холодный, пронизывающий насквозь дождь. Примерно к 10 часам вечера к федералам прибыло подкрепление, и мы, несколько сот совершенно мирных людей, в основном женщин, были насильственно выдворены с территории Чечни. Буддистские монахи, трое солдатских матерей и один чеченец-шофер были задержаны. Монахов и матерей военным самолетом отправили в Москву, а чеченского шофера на фильтрационный пункт, откуда его удалось вызволить лишь через две недели. Остальным участникам марша относительно повезло, и они, в том числе и автор этих строк, сравнительно благополучно добрались до Назрани.

Так закончилась наша первая попытка принести мир на чеченскую землю, оказавшаяся неудачной из-за того, что наше право на свободное передвижение было грубо попрано федеральными властями.

Позднее, 21 апреля, (в канун православной Пасхи) мы, наконец, добрались до Грозного. С иконами, буддистскими стягами и знаменами солдатских матерей в руках мы прошли по аллее Дружбы многострадального города до президентского Дворца. В этот раз нас было намного меньше, примерно 50 человек. Город, который недавно был занят федеральными войсками, лежал в руинах. (В середине нашего пути нам пришлось обходить огромную воронку от вакуумной бомбы). Жители города, чеченцы и русские, встречали нас радостно и изумленно. Машины останавливались, водители и пассажиры приветствовали столь неожиданное появление мирных демонстрантов в городе, переполненном военными.

Насколько я знаю, наше шествие было первой мирной демонстрацией в Грозном после жестоких боев. Мы несли страдающим жителям надежду на мир. ■

ФОТО ХАЯСИ МАСААКИ

Андрей БЛИНУШОВ

*член Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций
в зоне вооруженного конфликта в Чечне*

"ПРОЩЕНИЯ НАМ НЕ БУДЕТ"

Последний день мартовской экспедиции в Чечню. Дальше оставаться невозможно — вышли все сроки. Дома — заваленные проекты, отмененные встречи. Каждый раз, уезжая из Чечни, чувствую себя предателем. Каждый раз оставляю людей в крайне напряженной ситуации. Каждый раз наши друзья, остающиеся в этом кошмаре, задают один и тот же вопрос:

— Ты скоро вернешься?

Когда я вернусь? Когда "родные" федеральные войска расстреляют и разграбят еще какое-нибудь село? Или когда московские или тамбовские ОМОНовцы опять схватят и увезут в неизвестном направлении десяток крестыян, чтобы по-

том торговаться с родственниками — три миллиона или "жигуль" за чабана и шофера?!

Господи, как долго еще ты можешь терпеть все это: вероломство, кровь, позорное равнодушие россиян, невнятные упреки Запада в адрес очумевшего от безнаказанности и водки Президента?!

Выходит, я лгал, когда убеждал жителей разбомбленного Грозного не терять веры, не озлобляться. Ведь скоро, говорил я, эта страшная война должна кончиться. Не кончается. Становится все более жестокой, сметает последние островки мира на чеченской земле. И мы ничего не можем с этим сделать. Под аккомпанемент наших заявлений и пресс-конференций власть продолжает

уничтожать население республики с невысказанной жестокостью. Опускаются руки. Как жить со всем этим? Я не знаю...

Карательная операция МВД и МО России 3-4 марта 1996 года в селе Серноводск, на самой границе с Ингушетией, принципиально отличалась от погрома, учиненного теми же ведомствами в селе Самашки в апреле прошлого года. Самашкинская "операция" получила широкую известность — это была первая карательная акция. Потом были Новогрозненский, Алерой...

Серноводск с самого начала войны считался "зоной мира". Именно сюда стекались беженцы со всей Чечни. Курорт Серноводск-Кавказский, до 1991 года имевший статус "всесоюзной здравницы", превратился в крупный беженский лагерь. Его корпуса приютили около 9 тысяч бывших жителей Грозного, Гудермеса, Аргуна, Орехово, Самашек... Еще несколько тысяч вынужденных переселенцев смогли разместиться в семьях. Серноводск курировал Верховный комиссариат по делам беженцев ООН, Международный Красный Крест, Международная организация по

миграции, французские "Врачи без границ", немецкий "Капанамур". За последние полгода здесь побывали: Уполномоченный по правам человека Ковалев, лидер фракции "Наш дом — Россия" Беляев, депутаты Совета Федерации Штейн и Курочкин, Государственной Думы — Шабад, Рыбаков, Борщев, Титенко. В Серноводск приезжали представители ОБСЕ, военные прокуроры. Никто не подтвердил заявлений пресс-службы российского МВД о крупных отрядах боевиков, дудаевской бронетехнике и зенитных установках. Потому, что ничего этого в Серноводске не было.

Но село это очень мешало одному человеку. Некогда могущественному, а сегодня прячущемуся за спины согнанных со всей России СОБРов и ОМОНов. Человек этот, Доку Завгаев, не простил унижений 91-го, когда чеченских коммунистических функционеров выгнали из Верховного Совета в Грозном.

Когда пришла пора убирать Саламбека Хаджиева, вдруг пошедшего на "замирение" с отрядами чеченского сопротивления, московские покровители вдруг вспомнили про Доку Завгаева. Настал его

Валерия ШЕКОЛДИН

звездный час. Час мести собственному народу. Именно он запугивает Кремль “бандитскими группировками”, засевшими в селах, танковыми батальонами Масхадова и миллионами долларов Басаева. Конец войны, вывод войск означает полный крах этого царька бетонированного убежища, который панически боится несколько раз ночевать в одном месте.

Серноводск, крупнейший населенный пункт Западной Чечни, отказался принять назначенного Завгаевым префекта и присланных из Грозного милиционеров. В селе уже была избранная власть, и сход жителей откровенно высказал свое мнение о прибывших эмиссарах. Серноводск отказался участвовать в последних выборах. Завгаев, тем не менее, твердо решил поставить село на колени. С осени прошлого года Серноводск был заблокирован войсками, начались издевательства и вымогательства на блок-постах. Периодически федералы обстреливали село: то, водочки попивши, пулеметом побалууются, то, будучи в дурном настроении, из миномета “шмальнут”. Ведь ответственности никакой! На петиции сельчан Москва не реагировала, российская военная прокуратура, надувая щеки, делала вид, что разбирается с фактами нарушения законности. Попробовал было военный прокурор остановить избиение водителя автобуса на блок-посту у Серноводска, так генерал внутренних войск его буквально в шею вытолкнул. Только что в фильтрапункт не отправил на перевоспитание. А были бы свободные автозаки, я уверен, глаза бы прокурору завязал и отправил...

Военные похищали людей, а потом продавали их родственникам за несколько миллионов. Озверевшая солдатня насиловала женщин. Две девушки после такого погибли — родственники не смогли вынести позора.

Вот в Грозном ходок из Серноводска понимали. Аккуратно складывали в стопочку заявления жителей и говорили вместе с ними: бес-

предельничают, мол, Тихомиров и Шкирко, всем наемников распустили. Но выход есть, говорили. Только признайте Завгаева, и все как-нибудь устроится. Поможем.

Генерал Артемов, командующий войсками в Западной Чечне, письменно(!) уведомил сельчан о нанесении артиллерийских и авиационных ударов по Серноводску, если жители не выполнят... Далее, на страницу, следовал перечень требований генерала. В нем не было только, пожалуй, обязательной ежеутренней чистки генеральских сапог и осыпания БТРов лепестками роз.

В Серноводске поняли, что Завгаев в приступе своей мести пойдет на все. И первого марта село согласилось на подписание “мирного договора” с правительством Завгаева. Хотя, никакой войны, замечу, не вело. Это подписание должно было состояться в воскресенье, 3-го марта, в 10 часов утра. Люди вздохнули с облегчением. В ночь с субботы на воскресенье Серноводск не обстреливали! За последние месяцы это была первая тихая ночь. А в шесть утра войска с трех сторон вошли в Серноводск. Вошли, расстреляв в упор несколько усадеб, “Жигули” с тремя пассажирами... Дальнейшее развитие событий известно: сопротивление горстки жителей; массированный обстрел села артиллерией и авиацией; повторный штурм; “зачистка” — разграбленные дома; сожженные трупы в мечети; расстрелянный с БТРов скот; закрытие “гуманитарного коридора”.

Погром Серноводска примечателен не то-

ФОТО НАТАЛЬИ МЕДВЕДЕВОЙ

лько вероломством Завгаева, жестокостью федеральных войск и бессилием международных гуманитарных организаций. Здесь впервые, одновременно с событиями в Грозном, федералы вытолкнули в первые ряды атакующих чеченский ОМОН Завгаева. Был сделан серьезный шаг к “чеченизации” войны. Подобное всегда свидетельствовало о кризисе стратегии агрессора. В Афганистане это случилось в 1984 году. Западные военные аналитики тогда отметили, что СССР, видимо, готов вывести свои войска. Вывод состоялся только в 1989-м. Значит, до конца чеченской войны осталось 5 лет?

Перед самым отъездом из Чечни мне передали информацию о том, что федеральное командование выдвинуло ультиматум селу Самашки. Это казалось невысказанным. Эхо жуткого прошлогоднего апрельского погрома в Самашках прокатилось по всему миру. Самашки стали трагическим символом чеченской войны. 16-го марта 1996 года корреспонденты радио “Свобода” сообщили о массированном обстреле и начале штурма села...

Весь этот страшный год, будучи членом Наблюдательной миссии в Чечне, занимаясь независимым расследованием, готовя сообщения для прессы и фактологические справки, я стремился сдерживать свои эмоции, избежать радикализма в оценках, пытался быть непредвзятым и отстраненным. Пусть простят меня коллеги-правозащитники, силы мои кончились, рухнула плотина...

Это мы виновны в продолжении этого невысказанного кошмара, мы бессильны, непрофессиональны, трусливы и равнодушны. Мы продолжаем платить налоги для этой войны, мы, видите ли, устали от митингов и протестов. Мы договорились до того, что, пожалуй, придется поддержать на выборах убийцу, чтобы не пришел коммунист, чтобы не отняли у нас возможность трепаться на междусобойчиках в подмосковных домах отдыха. Мы проморгали, как к власти пришла кровавая хунта. И позволили ей залить кровью страну, пугая друг друга гипотетической угрозой красного фашизма. Мы будем прокляты за все это. Прощения нам не будет. ■

Валерий ШЕКОВЛИН

Виктор ПОПКОВ

*руководитель общества "Омега", Полномочный представитель в Чечне
Инициативной группы деятелей культуры России по учреждению Комитета
общественного патронирования обязательств России и Чеченской Республики
Ичкерия (КОПОРИ)*

СВОБОДА ВО ИМЯ МИРА

Трагично, но, увы, верно, смерть всегда все расставляет по своим местам. Еще некоторое время назад предположения о том, что "Джохар — это война, что между ним и Москвой существует сговор, питающий войну, на которой обе стороны делают миллиарды и с помощью которой обе стороны укрепляют свою преступную власть", звучало для многих, и даже в Чечне, убедительно.

Целенаправленное убийство властями России Дудаева с ближайшими его сподвижниками, как хорошо известно, никогда не имевшими доступа к тем миллиардам, которые действительно уходили и уходят в чьи-то бездонные карманы как до декабря 1994 года, так и после, разрушает эти оскорбительные домыслы и позволяет увидеть Дудаева таким, каким он был на протяжении последнего года для сотен тысяч простых чеченцев. Таким он останется в сердцах не только чеченцев, но всех сынов Кавказа, на все времена, став третьим в ряду таких уважаемых на Кавказе имен, как шейх Мансур (ему Кавказ обязан укреплением ислама в его нравственно-духовном аспекте), как имам Шамиль, олицетворяющий стойкость и мужество, благодаря которым гордые сыны Кавказа вошли в Российскую империю не как рабы, а как пусть и покоренные, но не сломленные и потому, соответственно, уважаемые той же имперской властью народы.

Теперь сюда можно смело вписать третьим и первого президента Чечни Джохара Дудаева, который уже для многих на Кавказе стал олицетворением той самой, доставаемой далеко не любой ценой, свободы, что утверждается только на тернистом пути справедливости, милосердия и жесткого пресечения в себе всего того, что противоречит ниспослан-

ным всем нам духовным заповедям и законам.

Президент России, комментируя информацию о гибели Дудаева, не краснея, заявил под продолжающуюся канонаду российских орудий, что Дудаев все время отвергал путь мира, но что Россия все равно закончит конфликт миром...

Истина же состоит в том, что Дудаева убрали потому, что он не на словах, а на деле стремился к миру и тем был очень неудобной фигурой для всех заинтересованных в продолжении бойни, в том числе, очевидно, и для тех, кто был непосредственно причастен к организации его убийства.

Об этом своем неудобстве сам Джохар как-то заметил в беседе с журналистом Сергеем Дмитриевым: "Я убежден: российские власти многое бы отдали за то, чтобы на моем месте оказался совершенно другой человек. Кого угодно они могли и сломить и перетянуть на свою сторону. Но только не меня. Именно поэтому с помощью ряда хорошо "выдрессированных" газет и Российского телевидения создается мой имидж одиозного лидера и диктатора" ("Тернистый путь к свободе", стр.99, Вильнюс, 1993).

Устремленность Дудаева к миру подтверждается следующими фактами:

Дудаев и его сподвижники были убиты во время сеанса спутниковой связи с Константином Боровым, при обсуждении проблем организации миротворческого процесса.

Как хорошо известно, не Дудаев, а власти России организовали вооруженный конфликт на территории Чечни, демонстративно-провокационными действиями втянув в этот конфликт многие тысячи участников чеченского сопротивления и бросив в него своими преступными приказами десятки тысяч

военнослужащих российских армейских и других силовых структур.

Именно Дудаев выступал наиболее последовательным не просто сторонником, но инициатором и не только миротворческого, но шире — переговорного процесса, с целью установления взаимовыгодных и дружественных отношений с Россией. Вот неполная хронология его инициатив и решений в этом направлении:

— 20.03.92 г. — письмо Ельцину в поддержку принятому на переговорах в Москве решению о создании двухсторонней совместной комиссии;

— 03.10.94 г. — письмо Ельцину в связи с фактами авиабомбежек мирных населенных пунктов с предложением личной встречи. Это письмо начинается со слов: *“Уважаемый Борис Николаевич! Ваше активное участие в миротворческих процессах на территории СНГ вселяет в меня надежду на то, что происходящее в настоящий момент в Чеченской Республике Ичкерия является трагическим недоразумением. Мне кажется, что Вы не в полной мере владеете информацией по Чеченской Республике, иначе тру-*

дно оценить Ваши недавние категорические заявления о том, что Россия не будет решать чеченский вопрос силовыми методами, ибо Ваши заявления расходятся с реальной действительностью...”

— 29.12.94 г. 17 ч. 35 м.: *“Москва. Кремль. Президенту РФ Б.Ельцину. Еще раз заявляю и подтверждаю готовность лично возглавить переговоры с российской стороной на уровне Черномырдина. Для ведения переговоров на любом другом уровне подготовлены правительственные делегации. Готовы приступить к переговорам. Президент ЧРИ Д. Дудаев.”*

— 30.12.94 г. — еще одно безответное обращение Дудаева к Ельцину с призывом, с целью сохранения жизни мирных граждан, остановки с 20 ч. 31.12.94 г. всех видов боевых действий на территории ЧР Ичкерия;

— 11.01.95 г. — заявление З. Яндарбиева, с готовностью *“подписать соглашение о временном перемирии”*;

— 23.06.95 г. — постановление кабинета министров за подписью Д. Дудаева с одобрением *“Согласительного протокола”*,

Валерия ШЕКОЛДИН

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

подписанного на переговорах по мирному урегулированию конфликта представительной делегацией ЧР Ичкерия от 21.06.95 г. и поручением Масхадову "приступить к реализации блока военных вопросов совместно с органами местной власти";

— 02.08.95 г. — указ Дудаева, дающий законодательную основу для выполнения "Соглашения", достигнутого между Россией и Чеченской Республикой Ичкерия, для мирного урегулирования военного конфликта. С российской стороны ничего подобного принято не было, что и сделало невозможным выполнение подписанного "Соглашения", в частности, освобождение осужденных чеченцев из числа задержанных во время конфликта...

Дудаева часто обвиняли в пособничестве терроризму, в войне не по правилам, причём обвиняли и обвиняют те, кто сам непосредственно ответственен по своей должности за постоянные и многочисленные деяния, классифицируемые, в соответствии с международными нормами, как преступления, не имеющие срока давности.

Когда я слышу рассуждения о стремлении к миру Ельцина, перед моими глазами встает расстреливаемый российской армией Грозный

и обглоданные трупы наших мальчиков на его улицах, в моих ушах звучат голоса людей, испытывавших на себе, что значит "восстановление конституционного порядка" по Ельцину.

При виде российского министра внутренних дел Куликова я вижу автозаки с извлекаемыми людьми на "Куликовом поле" вблизи станции Ассиновская, о которых слышал от свидетелей, чудом вырвавшихся из них, я вижу ров с телами замученных людей на грозненском кладбище "Карпинский курган".

При виде генерала Тихомирова я не могу не вспоминать о Самашках, Серноводске, Алхазурове, Гойском, Шалях и многих других изнасилованных нашей армией чеченских городах и селах, прошедших и проходящих через "умиротворяющий" процесс подписания протокола "мира и согласия"...

Что со стороны России, ее властей, происходящее — если и не геноцид, то, по меньшей мере, агрессия против чеченского народа — это бесспорно. Но где же адекватная по беспределу этой агрессии реакция чеченцев? Мы помним как реагировал мир на агрессию Ирака в отношении народа Кувейта. Мы видим, как реагирует Израиль на агрессивные действия террористической органи-

зации "Хезболлах в отношении его граждан, реагирует не очень-то считаясь с недопустимостью контрмер, составляющих угрозу безопасности и жизни неповинных людей, к тому же другого суверенного государства. Но где же похожие систематические действия со стороны Ичкерии? Ведь как ни относиться к событиям в Буденновске и Кизляре, нельзя же не признавать, что это были далеко не самые характерные для чеченского сопротивления эпизоды. Я не склонен идеализировать отношения чеченцев к тем, кто оказывается в их плену, и вполне допускаю, что там могут иметь место неправомерные действия, но и тут это скорее исключение, чем правило, именно потому мне за свои пять месяцев пребывания в регионе конфликта не удалось лично встретиться с теми, кто испытал бы на себе недоброе отношение в чеченском плену, а вот примеров обратного, то есть самого доброго отношения чеченцев к своим пленным, я знаю множество.

Хотя чеченское сопротивление и власть, представляющая это сопротивление, и не признается как субъект международного права,

но в своих действиях они соответствуют нормам этого права в неизмеримо большей степени чем Россия, призванная, как мировая держава, быть одним из гарантов этого права. Разумеется, первейшая заслуга здесь принадлежит самому чеченскому народу и его культуре, но нельзя сбрасывать со счета и роль его руководителей, а, следовательно, и Дудаева. Да, его речи нередко шокировали, но армия, главнокомандующим в которой был Дудаев, не стала позором для чеченского народа, а деяния вооруженных сил, главнокомандующим которых является Ельцин, легли еще одним темным пятном на совести российского народа...

Я не раз был в Чечне и знаю многих из тех, кого генерал Тихомиров относит к "криминальным авторитетам", то есть тех руководителей Республики, которые, в основном, являются одновременно и командирами крупных подразделений сил Сопротивления.

Для них главным интересом является не борьба за власть, которая у них и так имеется в единственно возможном на сегодня объеме и виде, определяемыми условиями

Валерий ЩЕКОЛДИН

ФОТО ХАЯСИ МАСААКИ

партизанского существования, а борьба за Свободу, то есть за гарантии для своего народа получить возможность мирного, безопасного навеки и достойного себя существования. Эти люди прекрасно понимают, что такие гарантии могут быть получены только через становление и укрепление собственной государственности, то есть, соответствующих институтов государства и, в первую очередь, института президентства, коли уж по действующей Конституции Чечня встала на путь построения президентской Республики.

Именно поэтому, как бы непросто ни складывались за время вооруженного конфликта чисто человеческие взаимоотношения между Дудаевым и его сподвижниками, они никогда не переходили рамок сугубо внутренних рабочих трений, ибо противное означало бы гибель того дела, которому они действительно, а не на словах, решили отдать свои жизни. И с гибелью Дудаева тут ничего не изменилось. Любой человек, который будет исполнять обязанности Президента, будет авторитетен для всех полевых командиров именно в силу авторитета своего высокого поста.

Это прекрасно понимается и теми, кто не хочет мира, отсюда их усилия по созданию хотя бы видимости розни внутри руководства ЧРИ, отсюда их пренебрежительные высказывания в адрес Зелимхана Яндарбиева, ставшего Президентом Ичкерии, обвинения его в оголтелом национализме и непримиримом радикализме.

Для понимания действительного лица и позиции Зелимхана Яндарбиева, позволю себе привести его высказывание из письма от 21 декабря 1994 года к деятелям культуры России:

“Да, для нас самоопределение — это не самоцель, а средство ответственного исполнения своего долга перед Аллахом и нашими предками, перед теми людьми разных национальностей, что соединили свои судьбы с нашей, средство, к которому мы прибегаем единственно потому, что не видим иного механизма, которым могли бы защитить себя и свою землю от остающихся антинародными властных структур России. Наше самоопределение в государственном отношении отнюдь не означает нашего противопоставления русскому народу, русской культуре, с которыми

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

нас исторически связал Аллах. Напротив, мы убеждены, что наше самоопределение — это и помощь русскому народу на его пути к духовной свободе, основанной на действительно братской общности всех народов, исторически связанных между собой. Помощь в преодолении русским народом навязываемого ему властями имперского эгоизма.

Кроме того, мы прекрасно понимаем, что самоопределение — это достаточно длительный процесс, требующий разрешения очень многих проблем между образующимися политико-государственными единицами (сторонами) и, прежде всего, требующий взаимного доверия. Именно это и должно стать началом строительства тех взаимоотношений, о которых вы говорите, и вы тут нам очень помогли бы...

Не правда ли, не очень-то похоже на бред неистового националиста, каким нам хотели бы представить Яндарбиева?

Из всего вышесказанного следует очевидный вывод: для инициирования миротворческого процесса гибель Дудаева ничего не меняет. Чеченское сопротивление сохраняет свою сплоченность и организованность, и по-

тому можно быть уверенными в том, что договоренности, достигнутые в переговорах с полномочными представителями этого Сопротивления, то есть с Президентом ЧРИ или его представителями, будут строго выполняться чеченской стороной при единственном условии, что они будут выполняться и стороной российской.

Так что сохранение мира — вполне реально.

Пока же я обвиняю окружение Президента России и самого Бориса Ельцина в преступном нежелании этого мира, обвиняю лидеров стран мирового сообщества в губительном для них же попустительстве преступной политике России, и одновременно, пользуясь случаем, выражаю свое искреннее соболезнование чеченскому народу, в связи с гибелью его светлой памяти первого Президента Джохара Дудаева, и да отпустятся ему все его грехи... ■

Алаудин ЧИЛАЕВ

Центр миротворчества и общественного развития

МИРОТВОРЦЫ

Война в Чечне не была неизбежной, как это представляется сегодня многим. Более того, эту войну до самого ее начала подавляющее большинство жителей Чечни считало невозможной!

Но случилось то, что случилось. Поэтому сегодня главная задача тех, кто мыслит здраво, отдает отчет своим действиям и реальностям сегодняшней обстановки в Чечне, — найти ответы на некоторые вопросы. Самые главные из этих вопросов: возможно или нет остановить эту войну? Кто может остановить эту войну? Полтора года войны убедили народ в Чечне, да и в России также, наверное, что Борис Ельцин, на котором лежит основная ответственность за развязывание этой преступной войны и лидеры чеченского сопротивления (Зелимхан Яндарбиев, Аслан Масхадов, Шамиль Басаев), не в состоянии остановить бессмысленное уничтожение людей, имущества, домов и всей инфраструктуры обитания жителей Чечни.

Итак, главный вопрос: кто может остановить преступную, бесчеловечную войну в Чечне? Международное сообщество (ООН, ОБСЕ, Совет Европы) через своих представителей на местах (УВКБ, Группа содействия ОБСЕ, Международные гуманитарные организации, "ЮМ", "Врачи без границ", "Международный Красный Крест" и другие) проводит огромную работу по оказанию помощи беженцам, дают объективную информацию о том, что происходит в Чечне, в правительства стран участников Совета Европы. Но все это, к сожалению, пока не приносит желаемых результатов. Но только международное сообщество в состоянии остановить войну. Это единственный путь!

Поэтому, на мой взгляд, задача всех

миротворческих организаций, которые работают в Чечне, такова: в тесном сотрудничестве со всеми вышеперечисленными структурами, работать в зоне войны со всеми группами гражданского населения и противоборствующих сторон с целью сближения позиций и нахождения консенсуса.

Что сделано Центром миротворчества и общественного развития в зоне российско-чеченской войны? На мой взгляд невозможно переоценить значение и роль "первопроходцев" — посланников просвещенного и демократического Запада в Чечне: Кристофера Хантера, Патриции Кокрелл и их друзей. Как житель Чечни я свидетельствую: в первые дни войны гражданскому населению придавало силы сознание того, что среди них просто находятся представители Религиозного общества друзей Квакеров из Великобритании. Многие из нас — мирных жителей того времени, не знали конкретных направлений работы Кристофера Хантера, Патриции Кокрелл и их друзей, но со временем убедились в их искренности, доброте, в настойчивом и упорном стремлении помочь страдающим жителям Чечни. И это тем более поразительно, что в самой России, которая постоянно утверждает, что Чечня это ее неотъемлемая часть, равнодушно наблюдают (и в первую очередь русские!) за тем, как гибнут цветущие мужчины-военнослужащие с обеих сторон и гражданское население.

Со временем в миротворческую группу Кристофера Хантера вошли Шаман Адаев, Зейнап Гашаева, Майя Шовхалова и я. Это очень важно, что жертвы российско-чеченской войны, я имею в виду Шамана, Зейнап, Майю и себя, имеют сегодня возможность вносить, хотя и маленькую, лепту в приближение мира на древней земле Кавказа.

Лично для себя я считаю очень важным возможность оценивать события у нас через призму мировоззрения наших западных друзей. Мне импонирует их здравомыслие, рассудительность, прагматизм и, особенно, огромная работоспособность и целеустремленность. Общаясь с ними, я постоянно ловлю себя на мысли, что у нас нет системы в работе, нет навыков к рутинной и черновой работе. Но мы будем учиться.

Я считал, что нужно делать только то, что может дать быстрый результат. К сожалению, война убедила меня в правильности рассуждений наших английских друзей о том, что быстрого решения проблем российско-чеченских отношений не существует. И вот это убеждение, а я действительно убежден в этом, дает мне уверенность и придает силы, чтобы вместе с Кристофером, Патрицией, Шаманом, Зейнап, Майей и Олегом работать в миротворческой группе.

В Западной Чечне, особенно в Серноводске, Самашках, Орехово, Ассиновской группа

Кристофера Хантера пользуется огромным уважением, поэтому работать в этой группе мне легко. Беженцы верят нам, стараются помочь получить объективную информацию о тех, кто прошел ад фильтрационных лагерей, ужасы оккупации в первые дни захвата Серноводска, Самашек, Ассиновской, других городов и сел Чечни. Именно в эти первые дни совершались страшные преступления.

Официальные власти Ингушетии и промосковская администрация в Грозном охотно идут на контакты с нашей миротворческой группой, т.к. они знают, что в наших действиях нет политической ангажированности. Мы на стороне мира и справедливости.

Поэтому я считаю очень полезными наши контакты с главой администрации Президента Ингушетии Асхабом Гойговым, руководителями районов и населенных пунктов Чечни и Ингушетии.

На мой взгляд, очень важным является и установление контактов с другими международными организациями и, в первую очередь,

Валерий ЩЕКОЛДИН

ФОТО ХАЯСИ МАСААКИ

с такими как "ЮМ", "Врачи без границ" и "Международный Красный Крест". Наше сотрудничество с ними помогает и нам и им, т.к. мы обмениваемся самой последней информацией, выявляем очаги массовых нарушений прав человека в том или ином регионе Чечни.

При встречах с неправительственными организациями Чечни, с отдельными группами населения и простыми гражданами, я постоянно обращаюсь к теме ненасильственного разрешения любых споров, в том числе и вопроса о статусе Чечни и взаимоотношениях России и Чечни. Привожу примеры Квебека (Канада), Северной Ирландии (Великобритания), Палестины и Израиля и стараюсь доказать, что самый неумный и губительный путь — это вооруженное столкновение сторон. Цивилизация уже давно изобрела инструменты мирного разрешения любых споров (Чехия и Словакия, разделение той же Чечни и Ингушетии).

Процесс политических переговоров труден, он утомителен и монотонен, но это — самый умный и эффективный способ разрешения конфликтов. И здесь я обвиняю Россию

в ее нежелании вести политический диалог с руководством Чечни в 1991-92-93 и 94 годах. Россия всегда лицемерила, вероломно обвиняла чеченскую сторону во всех смертных грехах (наркотики, фальшивые деньги и авизо, рост других преступлений и т.д.). Россия сама рассадник преступности. Но я объясняю простым гражданам Чечни, что в России есть и истинные демократы, силы, которые противодействуют войне (многие СМИ: "Московские новости", "Независимая газета", "Известия"; Сергей Ковалев, Григорий Явлинский, Егор Гайдар, Валерия Новодворская и другие).

Я считаю это очень важным: убедить чеченцев, что в России не все желают нам зла, что в России у нас есть друзья!

Непосредственно в войне, на мой взгляд, активно участвуют, т.е. являются солдатами и офицерами Чеченской регулярной армии, примерно 10-15 тысяч мужчин-чеченцев. Остальную часть населения, в особенности тех, кто внутренне никогда не смирится с подавлением свободы, несмотря на колоссальную военную мощь России, мне кажется, нашей

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

мировотворческой группе надо активнее вовлекать в сферу деятельности всех мировотворческих групп, действующих на территории Чечни.

Почему я говорю “в особенности тех, кто внутренне никогда не смирится с подавлением свободы”? Именно эта группа населения может в будущем опять вызвать вооруженное столкновение между Чечней и Россией. Если даже они сами не будут непосредственно воевать, есть опасность, что эти люди будут воспитывать своих детей в духе ненависти к России, будут проводниками идеи военного противостояния.

Это очень опасно и для России, и для Чечни, но для чеченцев это гораздо опасней, так как в случае повторения войны между Россией и Чечней, может встать вопрос о физическом существовании чеченцев как народа!

Поэтому я считаю: и наша мировотворческая группа, и мировотворцы из других организаций должны направить свои усилия на то, чтобы убедить все население Чечни в том, что в мире существуют испытанные и прове-

ренные пути разрешения конфликтов и войн такого рода. У чеченцев есть пословица: “Любая война, сколь бы долгой она не была, обязательно кончится миром”.

И на арене политического решения проблем российско-чеченских взаимоотношений, где нужны будут глубокие знания юриспруденции, экономики, истории, этнографии, вот на этой арене мы победим неоимпериалистические силы России, у которых сегодня на поводу идет Б.Ельцин. Вот на этой ниве, где победу или поражение будут определять высокий интеллект, а не грубая сила, здесь мы докажем России свою правду и свои права, потому что на стороне чеченцев, которые сегодня сражаются и умирают за свою свободу — весь цивилизованный мир, на нашей стороне — силы добра. ■

Крис ХАНТЕР

Центр миротворчества и общественного развития

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ — ПУТИ К МИРУ

“ Жизнь — самая большая ценность на земле. Никто не может отрицать право человека на жизнь. Это право гарантировано всеми национальными и международными законами. Война в Чечне пограла и продолжает попира́ть это право для тысяч людей, а еще сотни тысяч лишились домов, имущества, счастья. Война должна быть остановлена любыми мирными средствами “.

Манифест Марша мира во имя Жизни и Сострадания, прошедшего от Москвы до Грозного.

Перед войной в Чечне, и в самом ее начале, я был в Северной Осетии и Ингушетии — собирался провести там семинар по разрешению конфликтов для представителей молодежи из обеих республик.

В начале декабря 1994-го я видел, как в этих пограничных с Чечней республиках концентрируются войска и бронетехника. Это происходило даже во время встречи во Владикавказе и Слещовской российского министра обороны Павла Грачева и чеченского президента Джохара Дудаева. Они вели переговоры, пытаясь избежать вооруженного столкновения. Но, очевидно, решение о военном вторжении в Чечню было принято российскими политиками уже тогда.

Пятью неделями позже и центр Грозного, и многие окраины чеченской столицы были превращены в руины. Тысячи людей были погребены под развалинами домов...

В октябре 1994 года я впервые посетил Грозный в составе небольшой делегации российских и международных миротворческих групп. Это были: Комитет солдатских матерей, «Международное ненасилие», общество “Омега”. Главной целью делегации являлся поиск путей предотвращения вооруженного противостояния.

Члены нашей делегации смоделировали пункты соглашения между чеченскими лидерами и ориентированной на Москву оппозицией, которые могли быть использованы обеими сторонами для мирного разрешения назревающего конфликта. К сожалению, некоторых членов нашей делегации заподозрили в шпионаже в пользу российских властей и нас попросили покинуть республику раньше, чем мы смогли провести все необходимые встречи. В это время, в связи с развитием ситуации, к приезжим часто относились с подозрением.

Зная о напряженности в Чечне и предвидя возможность эскалации конфликта и большого кровопролития, наша группа в открытом обращении к российским лидерам настоятельно рекомендовала не вводить в Чечню войска.

Но вообще, усилия, предпринятые мировым сообществом для снижения напряженности в регионе и предотвращения конфликта, были минимальны, если не сказать ничтожны. Хотя многие факторы свидетельствовали, что вооруженный конфликт неизбежен, международные организации, типа ОБСЕ, прибыли в Чечню только спустя месяцы после начала войны.

Переговоры между российским и чеченским руководством начались буквально накануне войны. Кроме того, они не были представительными с российской стороны.

Я убежден, что настоящий переговорный процесс по вопросу о статусе Чечни мог бы принести плоды. В декабре 1994-го Дудаев, хотя и угрожая российскому руководству, заявил членам Организации Непредставленных народов, что готов вести переговоры с российскими лидерами. Но предложения о диалоге были проигнорированы...

Я разговаривал с ингушскими крестьянами, которые в декабре 1994-го блокировали дороги,

преграждая путь федеральным шедшим в Чечню через Ингушетию. Люди были полны решимости не пропустить российские войска через свои деревни, несмотря на то, что их били и даже убивали. В одной из деревень ингушский министр здравоохранения был забит до смерти российскими солдатами.

Недалеко от чечено-ингушской границы один российский генерал остановил свою часть и приказал повернуть обратно. Телевидение показало на весь мир, как он уверял испуганных крестьян, что не собирается выполнять приказа, предписывающего ему атаковать своих сограждан. По рассказам, в другой деревне российские танки и бронетехника были остановлены крестьянами. Там солдаты, которые не хотели воевать против мирного населения, показали крестьянам, как разоружить их бронемашину. Была надежда, что эти отказы выполнить преступный приказ остановят вторжение, но жестокое решение политических лидеров России было непоколебимо.

12 декабря 1994 года Российские войска вторглись в Грозный. Утверждалось, что операция

займет несколько часов.

Тысячи молодых, неподготовленных, плохо понимающих, что к чему, солдат были посланы в Грозный с севера, востока и запада.

Многие из тех, кто входил в Чечню из Дагестана, не имели карт, не представляли, как лучше штурмовать Грозный. Они сдавались, как преступники, когда крестьяне останавливали их на дорогах. Многие солдаты срочной службы, отправленные в Чечню, не знали, куда они едут и что их ждет.

В первые недели войны тысячи молодых солдат нашли свою смерть на улицах чеченской столицы. Они пали жертвами необъявленной, неподготовленной, полностью дезорганизованной войны. Многие погибли в результате нескоординированных действий, фактически — перестрелок между отдельными частями российской армии. Были случаи, когда в течение нескольких часов между собой сражались части федералов, пока не обнаруживали, что орудия направлены против своих. Согласно российским военным источникам, только в новогоднюю ночь в Грозном погибли

Валерий ШЕКОВИЧ

ФОТО "НИППОНЗАН МЕХОДЗИ"

около 2000 российских солдат. Это больше, чем официальные данные о потерях за всю войну. По крайней мере тысяча трупов осталась на улицах. До двух месяцев они лежали там и гнили, их пожирала стаи голодных уличных собак. Аслан Масхадов неоднократно предлагал временное прекращение огня, чтобы дать возможность русским забрать трупы своих солдат. Каждый раз федералы отказывались сделать это.

Жители Грозного не ожидали столь жестокого нападения федералов. Многие чеченцы покинули Грозный, уехали к своим родственникам в деревни. Русские же, которых было особенно много в центральных районах города, в основном, остались. Возможно, они думали, что им нечего бояться своей собственной армии. Десятки тысяч мирных граждан были убиты в Грозном в течение нескольких недель. Большинство из них были русскими. Многие из них, спасаясь от бомбежек, неделями жили в подвалах вместе со своими соседями, почти без пищи и воды. Если кто и приносил им самое необходимое в то время, то это были чеченцы, готовые рисковать своей жизнью, чтобы доставить им столь необходимую помощь. Один такой человек — Шаман из Серноводска. Он набивал свою старую "Ладу" хлебом,

под обстрелами пробирался в Грозный и доставлял хлеб в те подвалы.

Уже через несколько недель войны стало ясно, что чеченские отряды сопротивления, небольшие, но дисциплинированные и самоотверженные (они ведь сражались за свою землю!) являются серьезным противником для российской армии, которая несла большие потери. Это вызывало гнев оскорбленных российских генералов, вылившийся в полторагодовую войну, которую точнее было бы называть геноцидом против чеченского народа.

Война становилась все более жестокой, число людей, протестующих против нее, становилось все меньше, протесты привлекали немного внимания. Российские матери ехали в Чечню, чтобы вытащить своих сыновей из ужаса голода и смерти.

Идея пройти маршем мира в Грозный родилась в феврале 1995-го, в Москве, на международном конгрессе Комитета солдатских матерей. Этот марш был одухотворен чувством сострадания российских матерей и чеченских женщин, которые работали бок о бок. На конгрессе они рассказывали о том, что видели в Чечне и требовали немедленного прекращения войны. Убедившись, что демонстрации в России и обращения к политикам с

требованием остановить массовые убийства не дают результата, женщины и несколько миротворческих групп решили пойти прямо в Чечню и там попробовать остановить войну.

На Кавказе есть традиция: если женщины входят в зону боя, размахивая белым полотном, то мужчины должны положить оружие. Российские матери собирали подписи на белых тканях в разных городах по всей стране, тысячи подписей под требованием окончания войны. Офис Квакеров в Москве стал координационным и информационным центром Марша мира. Группы из-за границы также присылали белые ткани с подписями под требованием мира в Чечне.

Марш мира начался в Москве 8 марта 1995-го, в Международный женский день. В конце месяца мы вошли в Чечню. Нас приветствовали сотни людей, вышедших на улицы пограничного села Серноводск. Многие плакали, им казалось, что Марш это знак надежды после многих месяцев бомбежек, после гибели тысяч и тысяч невинных людей.

Главная идея Марша, подписанная каждым из сотен участников, звучала так: "...Я надеюсь,

что мое участие в этом марше поможет остановить убийства и великие страдания чеченского народа... Я обязуюсь не применять никаких форм насилия даже для моей собственной защиты. Я верю в силу доброты и сострадания, которые есть в каждом человеке". Чеченцы пригласили нас ночевать в свои дома. Следующим утром к нам присоединились новые участники, нас стало существенно больше.

Недалеко, на юге, мы слышали разрывы бомб и грохот артиллерии... Буддистские монахи пели молитвы и били в барабаны, мусульманские женщины возносили молитвы к Аллаху на вайнахском языке. Через 8 километров нас задержали на российском блок-посту. Мы провели там около часа. Участники марша, в основном российские матери, заходили в "бараки" и окопы, разговаривали с российскими солдатами. Российские и чеченские женщины давали солдатам шоколад, те с благодарностью принимали. Некоторые матери получили от солдат информацию, которая помогла им в поиске сыновей. Молодые солдаты были взволнованы, они хотели домой. Подобно крестьянам, они ожидали, что материнский марш

Валерия ШЕКОВИЧ

приблизит конец их бессмысленным страданиям.

Мы шли к чеченской деревне Самашки. И здесь крестьяне тепло приветствовали нас, выносили нам теплый хлеб и соль. Самашкинцы приглашали нас остаться ночевать, но нас ждали в Ачхой-Мартане. К этому времени весть о Марше разошлась по всей Чечне. Женщины из других деревень приезжали на автомобилях и автобусах, чтобы присоединиться к нам. Этим вечером нас снова остановили на блок-посту. Мы ждали 5 часов, но командир блок-поста так и не вышел для переговоров с нами. Стемнело. Мы стояли, окруженные кольцом солдат. Российские матери показывали фотокарточки своих пропавших сыновей чеченкам, а те рассказывали им об ужасах, которые пережили чеченские семьи, подвергшиеся нападению федеральных войск. Все это слушали окружающие нас смущенные российские солдаты, совсем молодые, им было лет по восемнадцать.

Около полуночи нас окружили вооруженные до зубов спецназовцы и приказали всем сесть в автобусы. Накануне вечером буддийские монахи и несколько матерей были задержаны и отправлены в фильтрационный лагерь. Такие лагеря создавались с целью "отфильтровать" боевиков от мирных чеченцев. На самом же деле чеченцев тысячами, без разбора, хватили на улицах или прямо в домах, тащили в эти лагеря, где их били или пытали. Один из сопровождавших Марш чеченцев, был задержан на несколько дней. Русские, чеченские и ингушские женщины проводили кампанию за его освобождение. Когда его выпустили, он был весь в синяках от побоев. Он показал женщинам следы от электродов на ушах и языке — его пытали электрическим током.

Около полутора тысяч людей остаются по сей день без вести пропавшими — большинство мужчин, попавших в фильтрационные лагеря. Российские власти либо отказываются сообщать, где они находятся, либо заявляют, что все они погибли. Родные и близкие многих верят, что эти люди живы, что они томятся в российских тюрьмах. Они прилагают огромные усилия для их освобождения. Чеченцы требуют их освобождения в обмен на российских военнопленных, удерживаемых со времен активных боевых действий.

Через две недели, после того, как мы были в Самашках, федеральные войска устроили там резню. В течение долгого времени правозащит-

никам, представителям прессы и даже Международного Красного Креста российские солдаты ВВ и ОМОНовцы не давали войти в село. Через несколько дней я тайно пробрался в Самашки.

Многие женщины, дети и старики были расстреляны российскими контрактниками, некоторые были заживо сожжены в своих домах...

Резня в Самашках в 1995 году была показательной насильственной акцией, проведенной с исключительной, просто зверской жестокостью. Эти события получили широкую огласку в мире, главным образом потому, что свидетелями этой акции и ее последствий стали правозащитники, миротворцы и журналисты. Другие злодеяния, подобные самашкинскому погрому, происходили по всей Чечне, но только малая часть информации о них доходила до мировой общественности.

Вскоре в Серноводске состоялся Конгресс, на котором было учреждено новое движение — Союз женщин Северного Кавказа. Цель этого движения — миротворческая работа и фиксация нарушений прав человека в Чечне.

21 апреля группа из 100 человек прошла мирным маршем через превращенный в руины центр Грозного. Атмосфера была мрачной. Мы шли по изрытому воронками центральному проспекту, к нам присоединялись местные жители. "Спасибо, что вы приехали", — сказал нам один из них, русский старик. В его глазах стояли слезы.

Это была заключительная стадия Марша мира и материнского сострадания. Ее, как впрочем, и некоторые эпизоды ранних стадий, показали в телевизионных новостях в России и других странах Европы. Таким образом, наше требование остановить эту бессмысленную войну было услышано. Марш был одной из самых крупномасштабных антивоенных акций после вторжения российских вооруженных сил в декабре 1994-го. По крайней мере, и чеченцы, и люди других национальностей, живущие в Чечне, и солдаты — все, кто встречались с участниками Марша, понимали, что они не забыты...

Для чего же было предпринято российское вторжение в Чечню, где проживало около миллиона людей чеченской, русской и еще многих национальностей? Для "сохранения целостности Российской Федерации" и "восстановления конституционного порядка"?

Да, перед войной, во время правления Дудаева, против русских, живущих в Чечне, предпринимались противоправные действия, хотя нет никаких доказательств того, что эти действия были санкционированы руководством. Большинство русских покинуло Чечню еще в то время, когда Доку Завгаев был главой Чечено-Ингушской Республики, прежде чем Дудаев пришел к власти. Преступления и нарушения прав человека, которые совершались в Чечне в течение трех лет ее самопровозглашенной независимости, теперь выглядят несопоставимой малостью в сравнении с теми преступлениями, которые были совершены там российскими вооруженными силами, начиная с декабря 1994-го.

Только по официальным данным, по разным оценкам, потери среди населения Чечни составляют от 22 500 до 84 000 человек. В руинах Грозный, большинство деревень от Самашек и Гудермеса на юг — разрушены. Некоторые населенные пункты подвергались нападению российских войск по несколько раз.

Эта война была и остается выгодной многим лидерам российских силовых структур.

Она началась как раз в то время, когда в огромной российской армии возникли серьезные финансовые проблемы и тысячи офицеров, возвратившихся из Восточной Германии, остались без работы и без жилья.

В эту грандиозную бойню были вложены миллиарды долларов. Стоимость одного дня войны в Чечне равна бюджету образования в России в течение целого года!

Широко известна и другая причина войны — нефть. Лидеры России заинтересованы, чтобы богатая азербайджанская нефть текла на экспорт по российской территории, а не через иностранное государство. Российский трубопровод проходит через Грозный. Хотя, по мнению экспертов, прокладка этого трубопровода в обход чеченской территории потребовала бы гораздо меньше затрат, чем колоссальные издержки этой войны.

Надо сказать и еще одну правду — в значительной степени эта война финансировалась западными налогоплательщиками через Международный Валютный Фонд...

С самого начала вторжения и в России и в Чечне разные люди неоднократно выступали с

Валерий ШЕКОЛДИН

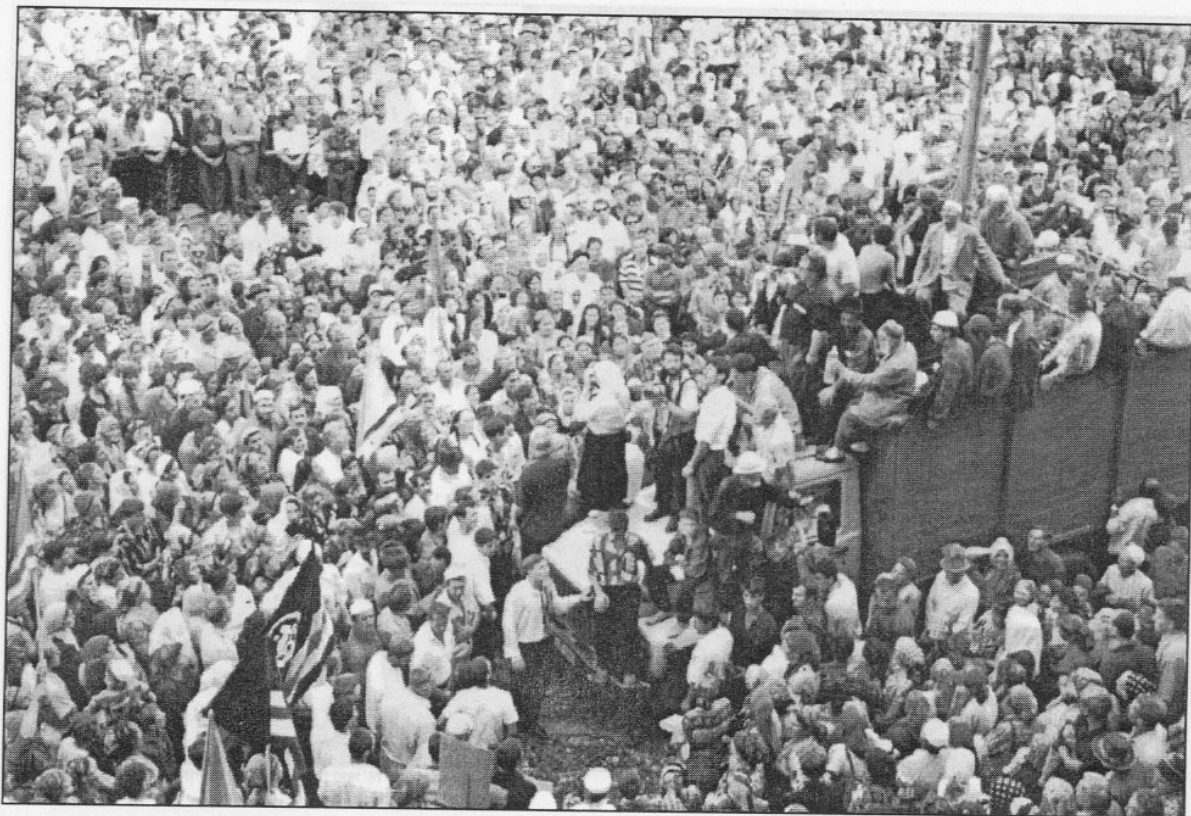

ФОТО КРИСА ХАНТЕРА

протестами против войны и требованиями решить проблему мирным путем. В течение первых двух месяцев войны демонстрации проходили по всей России. В этих акциях протеста принимали участие видные политические деятели и активисты правозащитных и миротворческих организаций, в некоторых городах к ним присоединялись солдатские матери, студенты. Но люди видели, что лидеры России остаются глухи к их голосам, и число участников этих акций становилось все меньше, даже в центре Москвы. Да оно и изначально не было особенно большим: самая крупная демонстрация не заполнила Пушкинской площади. Отчасти потому, что в российской прессе в течение нескольких лет активно распространялась антикавказская, и особенно античеченская пропаганда. И все же, небольшая группа отважных людей из Чечни, России и зарубежных стран, вопреки всеобщей апатии посчитала своим долгом попытаться остановить эту войну. Их мало, но их голос слышен. Их работе противодействовала огромная машина официальной российской власти. Встав против этой силы, они подвергли свою жизнь реальной опасности. Но это не смогло заставить их отказаться от борьбы за дело, которое

они считают правым. Сейчас, спустя два года после начала войны, российские войска уходят из Чечни. Согласно недавнему опросу общественного мнения, 70 процентов российского населения считает это правильным

Почему я, англичанин, стал заниматься миротворческой работой и помощью жертвам войны? Как квакер, я убежден, что в каждом человеке присутствует Бог, у каждого в жизни есть что-то святое. Нанося вред другому, человек разрушает Божественное начало в себе самом.

В Чечне страдали десятки тысяч чеченцев, русских, людей других национальностей. Я чувствовал, что должен встать против жестокости. Если мы ценим святое внутри нас, то разве мы можем спокойно наблюдать, как другие люди лишаются всех прав, даже права на жизнь? Разве можно говорить о построении гуманного общества, не говоря о защите основополагающих прав человека?

В России я встретил много людей разных национальностей, которые придерживаются подобных взглядов и имеют похожие цели. Мы объединили наши усилия для решения задач, о которых я расскажу ниже. Эта работа продолжается и

СТАРТ МАРША МИРА 8 МАРТА 1995 Г. МОСКВА. ФОТО "НИППОНЗАН МЕХОДЗИ"

сегодня, но теперь перед нами стоят новые проблемы, продиктованные новой, послевоенной, ситуацией в Чечне и соседних Северокавказских республиках.

Мы не можем "подсчитать", каков был наш вклад в прекращение войны, но, во всяком случае, мы с уверенностью можем сказать, что многие люди в России и за ее пределами слышали наше "нет" этой жестокой войне.

Многие чеченцы оценили наши усилия и заинтересовались нашей работой, направленной на восстановление мира и облегчение участи пострадавших. Они, используя наш опыт и знания, создавали свои неправительственные организации. Теперь мы помогаем им включиться в сеть неправительственных миротворческих организаций в Чечне, России и за границей. Мы надеемся, что это расширит возможности для получения поддержки и избавит от ощущения изолированности. Это и есть работа, направленная на создание гражданского общества. И если наши усилия встретят понимание и поддержку, то они могут сыграть важную роль в установлении прочного мира в регионе и разорвать, наконец, тот замкнутый круг насилия, который существует уже много лет.

Наш Центр миротворчества и общественного развития в своей работе опирается на помощь специальных помощников. Они много и мужественно, не считаясь с опасностями, работали, чтобы показать миру жестокость войны. Эта тяжелая работа легла на плечи Зейнап Гашаевой и Майи Шовхаловой, Алаудина Чилаева, Шамана и Аслана Адаевых, Тоиты Юнусовой и Фатимы Газиевой из Чечни; Лизы Омархаджиевой, Тамерлана Костоева и Мариам и Фатимы Яндиевых из Ингушетии; Олега Асташкина, Сергея Сорокина и Галины Орловой из Москвы и многих других людей из разных регионов. Прекрасно работают в этом регионе и другие неправительственные организации, в том числе женские, молодежные, миротворческие и правозащитные.

Моя совместная работа с российскими и чеченскими неправительственными организациями связана, в том числе, и со сбором информации о событиях, подобных тем, о которых я писал выше. Мы рассылаем эту информацию по электронной почте миротворческим, религиозным и правозащитным организациям, а также в прессу, правительствам и межправительственным организациям во всем мире.

Эта работа дает возможность людям во всем мире осмыслить реалии войны, узнать и

понять, что пережили жители Чени. И, кроме того, мы считаем очень важным то, что наша работа избавляет чеченцев от чувства собственной изолированности. Нельзя допустить, чтобы люди, пережившие полтора года жестокой войны чувствовали, что их страдания не вызвали почти никакой реакции мирового сообщества. В своем отчете по Чечне гуманитарная организация "Врачи без границ" заявила, что убийство гражданского населения и систематическое уничтожение целых сел в Чечне позволяют назвать чеченский конфликт "самой жестокой войной современности". "Врачи без границ" призвали правительства стран Большой семерки оказать давление на Россию, призвать ее прекратить кровавую резню в Чечне, уважать гуманитарное право и позволить международным гуманитарным и благотворительным организациям оказывать помощь пострадавшему мирному населению, в чем им постоянно отказывают. "Врачи без границ" также убеждены, что необходимо присутствие международных наблюдателей в Чечне.

Работа с неправительственными организациями в Чечне также включает обеспечение связей и контактов между местными группами и международными неправительственными организациями. Такие связи позволяют обмениваться опытом, информацией и проводить различные экспертизы. Укреплению таких связей послужили поездки за границу представителей российских и чеченских неправительственных организаций, которые имели возможность рассказать о своей работе и о ситуации в Чечне, а также визиты иностранцев в Россию и в Чечню, которые смогли своими глазами увидеть, что там происходит.

В июле 1995-го я организовал поездку в Женеву для двух представительниц Организации солдатских матерей Санкт-Петербурга и двух чеченок из Союза женщин Северного Кавказа. Мы посетили различные отделы Организации Объединенных Наций, рассказывая о положении с правами человека в Чечне и России. Солдатские матери рассказывали также о тяжелых условиях службы в российской армии. Мы свидетельствовали перед членами комитета ООН по правам человека незадолго до того, как он обсуждал отчет Российской Федерации о положении в стране с правами человека, публикуемый раз в четыре года. Мы рассказали о событиях, которые происходили в Самашках и о других случаях подобного рода.

Специальная поездка для двух солдатских матерей и двух чеченских женщин в восемь европейских стран была организована в июне 1996-го War Resisters International и Квakerским Центром. Основной целью поездки было объединение людей, как в России и Чечне, так и за рубежом, стремящихся к миру. Готовили программу этой поездки миротворческие группы в странах, через которые проходил маршрут поездки. Программа включала встречи с неправительственными организациями, журналистами, общественностью, политиками.

Вместе с двумя из этих женщин я посетил Брюссель, где мы встретились с членами Европейского парламента, а также Париж и Лондон.

В апреле 1996 года Центр Миротворчества и буддийский орден "Ниппонзан Меходзи" организовали международную делегацию неправительственных организаций в Чечню и Ингушетию. Мы дали возможность членам делегации своими глазами увидеть и оценить обстановку в этом регионе, встретиться с российскими и чеченскими неправительственными организациями, местными жителями, беженцами, военными.

Члены делегации установили связи с местными миротворческими группами, а также, на основе своих собственных впечатлений, составили отчеты правительствам и общественности своих стран. Членство России в Совете Европы и подписание ею международных соглашений и Конвенции по правам человека означает, что война в Чечне — это не есть сугубо внутренний вопрос Российской Федерации. Ответственность за то, что там происходит, несут правительства и люди повсюду.

Вскоре мы планируем провести обучающий семинар для людей, которые занимаются сбором информации о нарушениях прав человека в Чечне и близлежащих республиках. Эксперты из России и других стран предоставят участникам семинара информацию о национальных и международных механизмах защиты прав человека, о способах и правилах сбора информации, и о том, как надлежащим образом готовить ее для предоставления в соответствующие инстанции.

Мы собираемся организовать в Грозном и других регионах Северного Кавказа центры по сбору и распределению информации. Информация о нарушении прав человека, которую мы собрали

КРИС ХАНТЕР — ДИРЕКТОР ЦЕНТРА МИРОТВОРЧЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. ФОТО КОЛИНА ХАНТЕРА

в течение войны, была опубликована различными российскими и международными организациями (Комитет по правам человека ООН, Международная Амнистия и др.), а также в некоторых газетах и журналах.

В начале 1997 года Центр миротворчества и общественного развития, совместно с молодежными чеченскими организациями, планирует провести в Грозном молодежную конференцию "Мир в Чечне, мир на Кавказе, всеобщий мир". Молодые люди с Кавказа, из России и других стран соберутся вместе, чтобы обсудить вопросы планирования и координации миротворческой деятельности, а также проблемы восстановления региона. Идея этой встречи родилась в мае 1996, в Ялте, где проходила конференция, организованная неправительственной организацией "Объединенные Нации Молодежи". Решение провести эту конференцию именно в Чечне было продиктовано желанием кавказской молодежи подчеркнуть связь долговременного мира в этом регионе и мира за его пределами. Большое внимание на конференции будет уделено предстоящим выборам в Чечне. На конференции выступят известные правозащитники, политики, наблюдатели. Мы считаем, что их выступления помогут молодым людям понять важность выборов для их собственного будущего.

Вместе с Союзом женщин Северного Кавказа мы планируем провести конференцию о роли женщины в возрождении общества, восстановле-

нии прочного мира. Наша работа по организации помощи чеченским детям включает планы восстановления бывшего детского санатория на окраине Грозного и создания в нем Центра по психологической поддержке и лечению детей, получивших травмы во время войны. В течение трех лет Центр будет содержаться на средства различных международных организаций.

Я чувствовал, что сейчас очень важно участие в миротворческих акциях. Хотя эта деятельность имеет очень большое значение, она привлекает все меньше внимания российской прессы. Особенно разочаровывает то, что так мало людей в России активно требовало окончания войны в Чечне. Тем более важны и актуальны усилия этих немногих людей.

В последнее время в Чечне возникло множество политических партий, женских, молодежных, антивоенных групп и других неправительственных организаций. Их общая цель — окончание кровопролития и установление длительного мира. Люди в Чечне устали за полтора года войны. Многие живут только сегодняшним днем и не способны смотреть в будущее, многие испытывают то, что описано, как "синдром усталости". Тем не менее, движение за мир расширяется и крепнет. Теперь, когда ситуация в Чечне изменилась и мир стал реальностью, главная задача чеченского общества — подняться из руин. Неправительственные организации занимаются вос-

становлением школ, доставкой помощи детям, которые пострадали во время войны, доставкой продуктов питания и одежды тем, у кого было уничтожено имущество.

Психологически эта послевоенная фаза во многом тяжелее, чем сама война. Война оставила после себя руины и горе. Ни один населенный пункт не избежал разрушений. Чеченский президент Зелимхан Яндарбиев сказал, что Россия, у которой нет денег на зарплату собственным учителям, шахтерам и офицерам, едва ли окажется способной оплатить свой счет Чечне, который составляет 150 миллиардов долларов.

По инициативе Общественного Фонда "Гласность", рядом российских неправительственных организаций и депутатов Государственной Думы была начата работа по проведению Международного неправительственного трибунала о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных на территории Чечни. Трибунал призван осудить действия "высокопоставленных российских должностных лиц, виновных в развязывании войны в Чечне", рассмотреть доказательства, представленные свидетелями и "привлечь к моральной и политической ответственности тех, кто развязал войну" (Сергей Григорьянц).

Такого рода трибунал под наблюдением мирового сообщества необходим, чтобы представители обеих сторон, ответственные за развязывание войны, предстали перед судом совести. Это позволит людям в Чечне и в России свободно продолжать свою жизнь, зная, что справедливость на их стороне.

Неправительственные организации в Чечне и в России проводили и проводят огромную работу, чтобы остановить войну и помочь пострадавшим в этой войне. Этой работой занимается лишь небольшая горстка людей, причем в чрезвычайно трудных обстоятельствах. Международная поддержка очень важна для них.

Марш мира в Грозном и другие мирные инициативы в Чечне были мощной поддержкой мужественным людям в их тяжелой работе.

Но верхушка руководства России по-прежнему озабочена лишь тем, как ей остаться у власти.

Если Россия не берет на себя ответственность и обязательства компенсировать тот огромный ущерб, который она причинила Чечне, то, по

крайней мере, она должна позволить другим странам помогать этой республике.

В 1854 году индейский вождь Сеаттл послал письмо Президенту Соединенных Штатов по поводу планов США купить землю его народа и переселить индейцев в резервацию. Чеченцы же сражались с российскими войсками, пришедшими, чтобы захватить их земли, как это неоднократно делали их предки. Они освоили достижения технологии нашего века. Но есть параллели между современными чеченцами и американскими индейцами прошлого века: уважение к своей земле и предкам, любовь к детям, которых они считают центром своего существования. Имперские амбиции современной России тоже имеют параллель. Вождь Сеаттл писал в своем письме к Президенту США: "Мы знаем, что белые люди не понимают наших обычаев. Для них все равно, что один кусок земли, что другой. Они, как чужаки, приходят ночью, и забирают от земли все, что им нужно. Земля для них не брат, а враг, и когда они его побеждают, они уходят дальше. Они бросают могилы своих предков, и им все равно. И могилы отцов, и право первородства детей — все забыто ими. Они относятся к земле — своей матери, к небу — своему брату как к вещам, которые можно украсть, купить или продать, подобно овце или блестящим бусам. Они готовы пожрать все на земле и оставить после себя пустыню. Я не знаю... Наши обычаи совсем не похожи на ваши..."

Элементарное уважение и понимание всех людей и народов, какими бы малыми они ни были, являются необходимыми предпосылками для установления и поддержания мира, будь то на Кавказе или в любой другой части мира.

Война близко свела меня со многими людьми в Чечне и в России, они стали моими друзьями. Теперь они для меня — не просто образ страдающего народа в некоем конфликте. Это на самом деле близкие мне люди.

Я понял, что мир на их земле, так же как мир в Боснии, Ливане, Руанде и других местах, где идет война, неотделим от мира во всем мире и мира в моем сердце. ■

Перевод с английского
Юлии СЕРЕДЫ

В апреле 1995 года я работал в Самашках в составе «группы Ковалева». Мы ночевали в маленьком здании бывшего детсадика курорта Серноводск, который с начала войны превратился в лагерь беженцев. Весь двор детсадика, в котором жил врач Руслан Магомадов с семьей, зарос большими колючими акациями — верхушки деревьев скрывали зарево самашкинских пожаров. Если бы не канонада и гул самолетов, идущих на Бамут — совсем мирный, действительно курортный пейзаж.

Маленькие дочки Руслана и Сациты все время «доставали» нас — Господи, как же мы радовались этому после кошмаров, увиденных в Самашках!

Когда я уезжал домой, то захватил с собой длиннющие стручки, валявшиеся под акациями, и веточку с огромными колючками. Наверное, из таких веток плели «терновый венец». Уже дома мой сынишка Кирилл воткнул в цветочные горшки с десятком коричневых семян, разломав сухие стручки. К нашему удивлению, из этого десятка взошло и растет сегодня одно маленькое деревце чеченской акации из далекого Серноводска. Когда оно только проклюнулось, пришло сообщение о второй «зачистке» Самашек с использованием тяжелой артиллерии и танков. О «взятии» Серноводска. О том, что нет больше этого детского садика на курорте, нет больше этих акаций...

По профессии я — музейный реставратор живописи, и мне не очень легко было перенестись из относительно спокойной Рязани в варварство Чеченской войны. Даже не войны, а какого-то лагерного беспредела, какой-то бесчеловечной МВДэшной игры без морали и правил.

Я до сих пор не понимаю, почему мне, русскому, было не страшно купаться поздними вечерами в горячих открытых бассейнах серноводского курорта, снимая усталость, вместе с местными крикунами-мальчишками и чеченцами, прошедшими пыточные ямы российской группировки внутренних войск под станицей Ассиновская. Говорить с ними, обсуждать методы допросов, через которые прошли эти крестьяне с натруженными руками...

Но я знаю, почему я реально боялся, проходя через наши российские блок-посты яркими весенними днями. Почему при виде ОМОНовца я прикидывал, за какое дерево или в какую яму прыгнуть в «случае чего». И насколько такой прыжок мне поможет выжить...

Но если из десяти семян все-таки выросло хотя бы одно зеленое и ажурное деревце, значит — не все потеряно. Значит, через кровь и смерть несправедливой войны все же прорвется росток беззаботной и хрупкой жизни. Только не мешайте ей...

Так и растет у нас дома, в Рязани, маленькая, совсем не колючая чеченская акация...

Виктор ЛОЗИНСКИЙ
"Мемориал", г. Рязань